

ГОЛОСА

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

16.05-20784

12.08-13522

16.12-25

2009

24.03-49221

2011
27.11-28412

30.08-50000

24.12-21214

2014

18.03-64210

30.04-57526

31.05-8639

к 84(2.Рос-Рч)6
Г 61

ГОЛОСА

сборник стихотворений

✓
✓
+
✓

Нижневартовское
МУ "БИС"
инв. № 102324/2-3

КО

Нижневартовск
Издательство «Приобье»
2001

ББК 84
(2 Рос-Рус)6

Редактор-составитель С. Луцкий
Художник Ю. Бычков

Основу поэтического сборника «Голоса» составляют произведения членов нижевартовского городского литературного объединения «Замысел».

Сборник не случайно носит такое название. Разнообразие тем, творческих манер, литературного умения придают каждой из подборок свое звучание, свой индивидуальный голос - голос, составляющий часть поэтической палитры нашего региона.

ЛЮДМИЛА МАНЧИНОВА

Витает рой чужих стихов
Над головой моей уставшей,
Нерезкий звук чужих шагов
Теряется в листве опавшей.
Шум пронсящих машин
Уже не задевает слуха.
Свечение фар и шорох шин
Как из тоннеля – глухо-глухо.
Иду одна. В ночи звезда
Невысоко, почти на крыше.
Осенний воздух вкуса льда
Щенком бродячим губы лижет...

Охладевшее лето.
Приближение ночи.
К оконной раме прилеплена скотчем
Картина: березы на фоне крыши.
Возьмем фломастер. Картину подпишем.
И, не дожидаясь шумных оаций,
Станем картиной сей любоваться,
Поскольку и рама, и то, что за нею,
Делают сердце наше нежнее.
С утра умилимся красотам природы,
К полудню восторги рассеются вроде,
Но с вечером вечная благодать утишит
Дневные попытки прорваться за крыши.

А. Кушнеру

Дует ветер с Невы... Повторю. Повторюсь за поэтом.
И пойду – вопреки – до Невы, прикрываясь от ветра,
Пряча нос в воротник и в карманы – озябшие руки.
На свидание с городом выйду, мы столько в разлуке
С ним прожили, что ветер с Невы – как объятие
брата.

Я пойду до Невы вдоль по Невскому, будто когда-то
Мы бродили здесь с кем-то вдвоем... Мы бродили с
поэтом.

И размеренный плеск невских волн отзывался
ответом

На размеренный ритм шагов, будто вместе с Невою
Мы по городу шли. Мы Неву уводили с собою.

И размеренный ритм стихов, обретенных однажды,
Повторял легким эхом весь город. И было неважным,
От кого и когда услышала впервые, смиря дыхание:
«...дует ветер с Невы. Тополя прижимаются к
зданию...»

ПЕРЕД УТРОМ

Попытка сна закончилась провалом.
За плотной шторой копошится ночь.
Соскальзывает на пол одеяло.
Подушку – прочь!
И в потолок – глаза. К той тверди,
Где облака,
И слушать, как внизу медведем
Сопит река.
Как повернувшись – ах, невозможно
Постель тверда, –
Плеснет на камень неосторожно
Во сне вода.
И сонный город зевнет, впадая
В туман, как в бред,
В котором видится и оживает
То, чего нет.

Просто – низкие облака.

Просто – теснит грудь.

И – тяжелеет строка,

И удлиняется путь

К сути вещей.

И суть

Слов изменяет вид.

И очевидность мстит

Отсутствием доброты

И явную резкостью

Черт.

Где-то сжигают мосты,

Употребляют «нет»

Чаще, чем слово «да».

И падают в никуда

Слова,

Изменившие суть.

И у меня была Москва...
В ней – тополиный пух
стеною
И летней жаркою волною
Чуть утомленная – листва...
Стихи! В метро и на ходу,
В коленях узких переулков,
Где каждый шаг, как выстрел
гулкий
В затихшем на зиму саду.
И ночью мокрых фонарей
В асфальте черном
отраженья,
И наши смутные броженья
Вдоль улиц – или жизни всей.

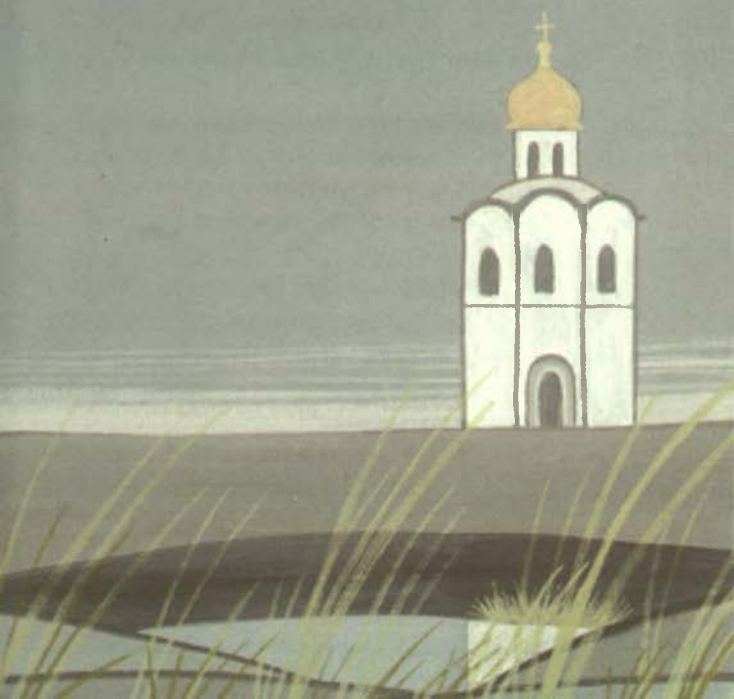
НА ПИОНЕРСКОЙ

Меняют цвет дома.
И листья.
Ах, на носу зима,
К зиме — линька.
И, сбросивши листву —
Нагим — зябко! —
Впадают в немоту
Хоры парка...

КАЧАЛАСЬ РЫЖАЯ ТРАВА

Качалась рыжая трава,
И по траве летели кони,
И странною была погоня,
И странные неслись слова.
Я их слышала во сне,
И в каждом звуке мнилась тайна.
И было сладко-страшно мне
Внимать заветному звучанью.

ЕКАТЕРИНА ВОЛОДИНА

Теленок – растопыренные ножки.
Звучанье утра, запах молока.
Котята, притулившиеся к кошке,
Визг во дворе мохнатого щенка.

Повсюду жизнь, с утра кипит работа.
От старших и до самого мальчика,
Лишь дайте ему выйти за ворота –
До вечера не сыщешь сорванца!

В глухой крапиве – штаб, и там работа:
Мальчишки спорят, ссорятся, галдят.
Сегодня настоящая охота,
Из-за наличников достать бы воробьят.

Вот мать узнает, то-то будет взбучка.
Отец суров для вида за столом.
Лишь бабушка вздохнет: “Была бы внучка...”
И тут переглянутся мать с отцом.

И все, как встарь, надежно и обычно.
Рассвет, и солнцем залито крыльцо.
Здесь жизнь вершит свой тихий ход привычный,
Как бабушкиной прятки колесо.

Теленок – растопыренные ножки.
Звучанье утра. Запах молока...

Мое потухшее солнце.
Вечер слезою застыл.
Молчание – грома громче.
Боль надломанных крыл.
Наших с тобою судеб
Ветер осколки сложил.
Ты целовал мои губы
За тех, кто меня любил.

В моих фантазиях – весна:
Вот снег, навзрыд рыдая, тает,
И пробуждается от сна
Любовь – воскресшая, святая...
Спешу обнять тебя, творя,
Весенней нежностью пылая.
Ничто – морозы января,
Мечта моя – в начале мая.
Пусть на дворе еще зима...
Подхваченная вьюгой злою,
Как, я не знаю и сама,
По снегу шла душа босою?

Сердца стучат,
И вторят им капли,
Всю ночь твердят:
“Зимой переболели...”
Зима ушла,
И глаз, и красок гамма.
Сошла с ума
Моя кардиограмма.

Я сирень, я ива и рябина.
В поле одинокая калина.
Я булатный меч, я стальной клинок,
Горюч-камень, что у трех дорог.
Мне легко крылом вмиг достать до звезд.
Я тоскливее, чем глухой погост.
Я огонь и лед, ясный день и ночь,
Не смотрю назад, если путь мой прочь.
Я и дождь, и снег, в мае солнышко,
Лебединое бело перышко...
“Очень много тебя, – скажут. – Шустрая!”
“Нет, – отвечу я. – Душой русская”.

Засыпай! – твержу себе. Не спится.
Встану в полночь, приберу весь дом.
За окном в ночи стенает птица,
Как и я – с поломанным крылом.
Распахну окно, звездой с неба
Все затеплю свечи на столе,
Чтоб нежнее и белее снега,
Прилетали ангелы ко мне.

Пускай твердят: “Она забыта Богом...”
Пусть назовут немойтой, пьяной, странной.
Легко судить и рассуждать о многом...
Как Ей хватает сил, многострадальной?

Мне не найти Тебя роднее, Русь,
Люблю Твой незабудковый цвет неба.
И, как молитва, тронет душу хруст
Впервые выпавшего снега.

ЕЛЕНА
СЛИПЧЕНКО

СЧАСТЬЕ

Солнце. Сладко пахнет клевер.
Лето... Вот тебе и Север.
Отпускаю в поднебесье всех бумажных журавлей.
Сели рядом на бордюре.
Что ж мне надо было, дура?!
Я смеюсь... Не обижайся, пей, но завтра не болей.
Уезжала, убегала,
Все чего-то не хватало:
То ли света было мало, то ли Бог послал...
Оказалось – песни, страсти
И нетронутое счастье
Белокаменный мой город от меня скрывал.

Еще вчера – пришла весна, так мне казалось.
Мир пробуждался ото сна, а я смеялась,
Как будто не было и нет беды у дома,
Ни одиночества ста лет, ни в горле кома.
Лишь птиц небесных перелет и день весенний,
А на реке ломался лед чужих сомнений,
И только снег мог без стыда на людях плакать,
А грязь и лужи не беда, простая слякоть.
Еще вчера вела капель все ближе к маю!
И вдруг опять мороз, метель, я замерзаю...

ЗАРИСОВКА

Обалдевший город отошел ко сну.
За окном мужчина воет на луну.
Я, укрывшись пледом, сяду у огня,
Кто бы в этот вечер приласкал меня...

Лето истощилось в морозящей мгле,
Бабочкой прекрасной корчась на игле.
Расписные тени спят на потолке,
Сердцу неуютно в сжатом кулаке.

Меня не поняли. И пусть,
Я кривотолков не боюсь.
С благоговением сажусь
Переплестать чужие книги.
Поэты – странные сердца
От старика до молодца,
Жизнь – ради красного словца,
В карманах скрученные фиги.
Как дети, вы боитесь снов,
Чужих людей, жестоких слов,
Оценок всяких дураков
И осени за дверью.
Но в мире пошлых мелодрам
Я почему-то только вам
И вашим раненым стихам
Беспрекословно верю.

Пестреет лето морем красок,
Нарядное – как дамский зонт.
И отголоски древних сказок
Уходят вдаль, за горизонт.

Нет времени теплей и краше,
Мы влюблены, но только вот
Никто не рад любви нашей,
Все, кажется, наоборот.

Угрюмо косится прохожий,
У стариков суровый вид,
Друзья ревнуют, и, похоже,
Весь мир не ведает любви!

А людям в неумной скачке,
В борьбе за этим и за тем
Важнее старые болячки
И сложность мировых проблем.

И очень жаль, что даже летом
Из-за наплыва зол и бед
В осатаневшем мире этом
Уже влюбленным места нет.

ТОСКА

Не согласишься, мне тоскливо...
Собираюсь, схожу за пивом.
Жизнь несется косо, криво,
Не остановить.
Вспоминаю даты, лица,
Что-то видится и снится
Мне бы в пору удавиться,
Но охота жить.
Где же помощь, облегченье?
Скоро будет воскресенье,
А у нас с тобой деленье
Судеб и дорог.
Жаль... Красиво начиналось.
Я смеялась и старалась,
Я почти что обвенчалась.
Только ты не смог...

Еще один букет украсит подоконник,
Но к сердцу моему совсем иной пароль.
Пойми же, наконец, неискренний поклонник,
Мне цель твоя ясна! И причиняет боль...

Увы, слова любви легко и слишком часто
Слетают с губ твоих, как сигаретный дым.
Ты чувствуешь, что я с тобой всегда несчастна,
Что мною не любим, ты мною не любим?

Я ранена была, ты впился в эту рану!
Мне слишком тяжело, ты довершаешь груз,
А потому любовь тебе не по карману,
Ты нищ душой. И я тебя боюсь.

Мой мальчик похож на Пьеро —
Прекрасный и чувственный гений.
Ему бы берет и перо
И томик стихотворений.

Как знать, может этот портрет
Моих ожиданий достоин.
Застенчивый, робкий поэт...
Не рыцарь, не варвар, не воин.

Когда-нибудь актриса молодая
В кино сыграет юную меня.
Я буду на экране как живая,
Прекрасная и полная огня.
Она вздохнет, она заломит руки
И рукописи будет в клочья рвать.
И так покажет творческие муки,
Что даже мне такое не сыграть,
И путь мой от роддома и до морга.

И люди содрогнутся от восторга
И “Оскара” актрисе той вручат.

ВИКТОР
БЕЛОВ

Люблю, как море – жемчуга,
Как степи – дождь в томленьи зноя,
Как волны любят берега
Губами пенного прибоя,
Как ветер нежную листву,
Что пьет его прикосновенья,
Как тишину уединенья,
Как дух по высшему родству!
Как взгляд, что трогает до слез,
Как счастье проявиться в слове,
Как стих, замешанный на крови
Труда, наития и грез!

Ах, лето, лето запоздалое! Привет,
Пора беспечности, веселья и покоя,
И ветра вольный шум, и розовый рассвет,
Природы вдохновение ночное –
Мерцанье звезд да мягкий свет луны,
Ленивых облаков неспешное течение,
И нежных чувств неясное томленье,
И золотые сны!

Ах, лето славное! Дыханью твоему
Я несказанно рад, точно дитя игрушке.
Тепло твоих ночей я трепетно приму,
Как и сказания предвестницы-кукушки.

Звонящей тишиной наполнишь ты леса,
Таинственной, живой и первозданной,
И вспыхнет вдруг негаданно-нежданно
Таежная роса!

Всю гамму красок, прелесть новизны
Несешь то пасмурной, то солнечной погодой,
Твои капризы людям, право, не вредны
(Вредны им испытания свободой).
Нежданным снегом можешь удивить
Лишь диких уток, да и тех не очень.
А серебро июньской белой ночи
Как позабыть!

Тебя ли не любить, когда небесной манной
Тепла и света ты нисходишь к нам,
Когда вдруг о зиме суровой, своенравной
Все забывают не по дням, а по часам,
Когда в морозы мы живем воспоминаньем
О чудной удивительной поре...
И с сожаленьем видим в сентябре
Зимы нетерпеливое дыханье.

ЕЛЕНА
ПАВЛОВА

ЗАБВЕНИЕ

Я родилась, себя не помня,
Я расставалась, чтобы стать забытой.
Я вспоминала, чтобы вызвать призрак
Того, что никогда не повторится.

Писала письма, зная, что не получу ответа;
Хранила сотни слов,
Как дар чужим потомкам.
Не верила, что сущее лишь снится.

Читала изыскания других запоем,
Неугомонная, терзала мышцы мозга.
Я умерла, чтоб стать забытою тоской
И позабыть самой дорогу к смерти.

Пусть тебя сомненье гложет,
Но проверено, что можешь
Рисовать в ночной тиши
Строки сердца... Не спеши,
Прикоснись слегка глазами
И дрожащими руками
Ухватись за карандаш, --
Призрак пойман, путник -- наш.
Пусть он мною облюбован,
Я ему, что манекен.
Он ученый, я -- ребенок
Среди воющих сирен.
Он -- стихия, а я -- остров,
О котором столько раз
Сказано...
И так непросто
Быть им, свинченным из фраз.

Подолгу стою у дыр:
Не выйти и не войти.
Мой требовательный командир
Один, как и я, в пути.
Где грань между тусклым «здесь»
И затененным «там»?
Уснет метрополитен,
Кричат колокольни нам.
Все чаще ложится день
С ночью в одну главу.
Поймаю, кажется, тень
И до конца пойму,
Пойму, где кончаемся мы
И начинается мир,
Неприступный, холодный, чужой,
У которого свой командир.
Наши лики на длинном пути
Потускнеют и отпадут,
Все равно суждено идти:
Тут и там, там и тут.

ВАЛЕРИЙ
АКИМОВ

Неторопливых будней вереница,
Конечно, вспоминается не зря:
Карелия и финская граница
Мне стали в жизни вроде букваря.

Их ярко покрывает позолота.
Хоть каждый день, куда ни бросишь взор,
Вокруг тайга, озера и болота,
И небо – отражение озер.

Вновь надо мной синеющее чудо,
Оно воспоминаниям зачин
О том, что никогда не позабуду:
Заставу, жизнь, достойную мужчин.

ПЕРВЫЙ ДОЗОР

Не зря июль тот в памяти хранится!
И, как сейчас, хоть столько лет прошло,
В дозоре я на линии границы,
А солнце так безжалостно пекло.

Рот пересох, язык шершав, как терка,
Под рацией спина, как не моя,
От пота почернела гимнастерка,
И нет спасенья в тучах комарья.

Давно уже утихли разговоры,
Во фляге нет ни капельки воды,
В болоте не найти земной опоры,
Ложатся в мох усталые следы...

ПОГОНЯ

Вовек не забуду забега:
Был май, но полно еще снега,
Почти бесконечно болото,
И я – полузрячий от пота,
Там выложил силы до рвоты,
Пытаясь настигнуть кого-то,
И думал, горя и горюя:
“А если его догоню я?!”

БАННЫЙ ДЕНЬ

Даже месяц для памяти – вор.
Только мне все бывшее милее.
Вот в парилке ведем разговор,
От брусничного морса хмелея.

А потом радиола поет
Нам про эти глаза, что напротив...
И покоя душа не дает,
Словно с девушкой я , а не в роте.

ЧЕРНОТРОП

Не забыть этой жизненной школы
И опять до утра бедовать.
Ветер влез в рукава и под полы,
Неприветна осклизлая кладь.

Лунный отсвет никак не пробьется,
И дождяра наряд исхлестал.
Вся надежда сейчас остается
На собаку, АК и «Кристалл»*.

Я пограничный старый пес,
Я ветеран заставы,
Здесь дни и ночи службу нес
Не для хозяйской славы.

«В ружье» бежал быстрее всех,
Ведь тут нельзя лениться.
Зависел от меня успех
В охране госграницы.

Так пролетели десять лет,
Как будто бы приснились.
Простыл моих вожатых след,
Пять человек сменились.

* Прибор ночного видения

И вот состарился теперь,
Я не такой удалый,
В моей вольере новый зверь —
Кутенок годовалый.

А мне туда, где бурелом!
Инструктор глянул вором
И отвернулся, плюнул зло,
И клацнул вдруг затвором...

НОВЫЙ ГОД НА ПЗ

Новый год забудешь неужель!
Прошрое достойно уваженья.
С осени присмотренная ель
Сразу стала центром притяженья.

В ленинскую комнату зовет.
Повинуясь ей без протокола,
Полночь в небе звездами цветет,
И сердца заводит радиола.

Будто явь предстала сладким сном.
И какао в кружки всем налито!
И мечтает каждый об одном:
Станцевать с женою замполита.

ПРОЩАНИЕ

Вечер тот окутал землю стыло,
А застава, как во все года,
Светом окон души озарила,
С нами расставаясь навсегда.

Обошлось прощанье без рыдания,
Пели песни в нервном кураже.
Хоть и говорили: "До свиданья!"
Знали, что не встретимся уже.

Бессонница. Опять мне маята.
Гляжу на фотоснимок из альбома...
В тот день как раз сбылась моя мечта,
И был не на заставе я, а дома.

Все в будущем: подруги и друзья,
Издержки предоставленной свободы...
Но первое, о чем подумал я:
Как постарела мать за эти годы.

В. Высоцкому

Нас, незрячих щенков, не достала картечь,
Ветки леса надежно укрыли,
А инстинкты волчицы смогли уберечь,
Чтобы мы дольше матери жили.

Пусть не можем еще разодрать своих век,
Дрожь от страха сдержать мы сумели.
Родились мы под залпы, как под фейерверк,
Для картечи и пуль – сразу цели.

Запах крови пьянит и бодрит алкоголь,
Молодец к молодцу на охоте.
И напрасно скулить – что чужая им боль,
И пощады у них не найдете.

Нас в корзине они утащили с собой,
Не бывать от охоты убытка.
Как трофей боевой, с мертвых шкуры долой,
И клыки нанизали на нитку.

Нам отныне на привязи жить суждено,
Мы матерых собратьев не знаем.
Но как нас ни корми, в лес глядим все равно,
И, как псы, никогда не залаем!

ГАЛИНА
КУЗНЕЦОВА

НИЖНЕВАРТОВСКУ

Мой Нижневартовск, ты — в моей груди,
Ты в сердце врос уродами-балками,
Един с детьми моими сопляками,
Способными все тяготы нести.

Нести дрова в прожорливую печь,
Нести с Оби коричневую воду,
Переносить невзгону, непогоду
И навсегда все в памяти сберечь.

Когда мороз под пятьдесят
Нагрывает гостем нежеланным,
Могучим облаком туманным,
Как тайной, город мой объят.

И, как под куполом, шаги
И голос раздаются гулко,
Деревья, стройные снегурки,
Стоят и просят: "Помоги".

И, замерзая, воробьи,
Едва взлетев, уже садятся,
И я шепчу: "Потерпим, братцы,
На силы положась свои".

До чего же ты, верба, доверчивая.
Ведь октябрь-то от делать нечего
Приласкал тебя, так получилось...
Ты же зацвела вся, распушилась.

Нежно машешь ветками, приветливая,
Вся от радости светлая, светлая.
Веришь: снова листвою оденешься,
На тепло, бедолага, надеешься.

НА ТЕЛЕЦКОМ

Вновь черемуха грудью белою
На восходе поит зарю.
Ничего с собой не поделаю,
Все об озере говорю.

Здесь и воздух такой неистовый –
Ликования жизни настой.
Из меня равновесие вытравил,
Нахожу и теряю покой.

В этом омуте черного озера
Столько холода, столько огня
Как оно меня заморозило,
Как оно обожгло меня!

Наполняет меня новой верою,
Чистотою своей пленит...
Вновь черемуха грудью белою
На восходе зарю поит.

ЛЫЖНЯ

Солнце прячется в низеньких соснах,
Голубая бежит лыжня.
Здесь всегда мне легко и просто,
Здесь совсем не узнать меня.

Отодвинуты все заботы,
Словно нет ни грехов, ни оков...
Лишь нехитрой лыжни повороты,
Лишь свечение небес и снегов.

СНЕГОПАД

Летят легчайшие снежинки,
И краски дня приглушены.
Все запорошены тропинки,
И сосны все запушены.

Под куполом седьмого неба
Такая тишь и благодать,
Бегу – лечу. Подольше мне бы
Житейской грязи не видать.

Неведомый бродячий пес
Лизнул мне руку, пробегая.
Весь вид его – нужда живая,
Но он ее достойно нес.

Он даже ухом не повел
И глаз своих ко мне не поднял,
Лизнул, поскольку жив сегодня,
Поскольку день ромашкой цвел.

И дальше побежал трусцой
Он, независимый и гордый,
В таком облиции потертом,
Не зная сытость и покой.

Желаньем голод утолить
Терзаем он при всякой власти,
Но не озлобили напасти –
Привык искать и не скулить.

НА ПРОМЫСЛЕ

Ни с одним из посланцев Канады
Не хотелось мне встретиться взглядом.
Оттого ли, что топали твердо
И затылки несли слишком гордо,
Оттого ли, что местные власти
Выражали им подобострастье.
Удивили пришельцы-канадцы,
Как могло это в них сочетаться —
Нашей нефтью обогащаться
Да еще по-хозяйски держаться?..

ПРЕДВЕСТНИЦА

Еще апрель метелью бесится
И на озерах крепкий лед,
А верба, новизны предвестница,
Поспешно почки разомкнет.

Переливаясь перламутрово,
Прольется с криками "Пора!"
На зорьке, на морозе утреннем
Ее шальная детвора.

МОЛДОВЕНЯСКА

“Желающие танцевать молдовеняску,
Прошу сюда: две девушки, два парня”, –
Призыв хормейстера в девятом классе.

Он не успел еще закончить фразу,
А ты уже стоял, ты вышел первым.
Как мне хотелось танцевать с тобой!
Твой острый ум и шуток искрометность
Давно мне озаряли каждый день.

Но, не желая выдать свою тайну,
Не вышла я тогда, себя сдержала,
Смотрела, как выходят остальные,
А на тебя старалась не глядеть.
И часто мучила меня неисполнимость
Молдовеняску танцевать с тобой.

Когда потом, на общем школьном смотре,
Я, сидя в зале, видела твой танец –
Задор и ритм, и юности полет, –
Меня все это привело в смятенье.
И сколько мне потребовалось воли,
Чтобы сказать тебе шутливо, мимоходом:
“Ваш танец заразителен, синьор”.

БОРИС
РОМАНОВ

ВАРНАЦКИЙ ПОЭТ

Меня никто не звал, не ждал,
Я сам явился.
Козел в хлеву конем заржал,
Я в дом ввалился.
Стихом по нервам пробежал,
И, между прочим,
Схватили все вдруг кто кинжал,
Кто – кистенечек.
А ночь осенняя темна.
И знают ивы:
В Сибири публика грешна,
Но справедлива.
Куда позвал? Про то рассвет
Расскажет новый.
Ведь я не ангел. Я поэт!
Хоть непутевый.

ПЕГАЯ ОРДА

Страна полуночных озер
В югорской стороне.
Туманный взгляд, ночной
костер,
Мерцание огней.

Мох поглощает все следы.
Дробь дятла – метроном.
Ордынцы, скифы, словно дым,
Исчезли за бугром.

Ушли Кучум и Карача,
И войско Ермака.
Остались только иван-чай,
Туманы и река.

Остались вечные, как свет,
Остяцкие костры.
Туман остался и рассвет,
И звездные миры.

И я пойду по мху туда,
Где бешеная рать.
Эх, моя Пегая орда!
Дай мне тебя обнять.

УЛИЦА ДЖАЛИЛЯ

Какими юными мы были,
Придурки без царя в башке.
Ты помнишь, улица Джалиля,
Мой след на первом на снежке?

Однажды грязным, мокрым летом
Ты засосала мой сапог.
И сердце, видимо, при этом
Я, обронив, найти не мог.

Твоя экзотика в те годы:
Дыра — по крышам — на дыре.
В дворах помойных свалок горы,
Канализация в ведре.

Но что за прелесть разбежаться
Тобой, как взлетной полосой,
Нырнуть под воду, затеряться,
Подобно стерляди обской.

А твои песни под гитару?
Коленки девичьи, глаза?
А люди?.. Здесь мои не даром
Всегда горели тормоза.

Взрослея, мы вбирали жадно
Твой каждый вывих и излом.
И так бывали беспощадны
К тем, кто назвал тебя дерьмом.

Твои дома уходят в вечность.
Совсем, как наши пацаны.
Тобой уйду я. В бесконечность.
Продав пиджак за полцены.

ШАШКА

Авдееву Николаю Петровичу

Я шашку у деда Авдея просил:
– Дозволь покрутить на дворе,
Плечо раззудить, малость выплеснуть сил,
Я резвый всегда в октябре.

– Отставить! – сказал было мне атаман. –
По этакой тёмной поре
С горилки себе понаделаешь ран.
Иль псу, что сидит в конуре.

Но хлопнул хозяин на это рукой:
– А что, пусть покрутит пойдёт.
Но там, от ворот чтобы недалеко.
А то всё белье изорвёт,

Которое здесь на верёвке висит.
Пущай. А горилка – пустяк.
Оружьем махать, не косою косить.
Казак, он на то и казак!..

Он вынул из ножен клинок боевой.
Я, чуть оробев, его взял.
И сердцем почувствовал день тот былой,
Где пел он, колол и кромсал.

Не я ли с ним там, под Кущёвской, скакал?
Копытом знамёна топтал?
Но то наважденье... Я место сыскал.
И в стойку упругую встал.

На счёт раз — и — два, три — четыре — и — пять,
Повёл потихоньку сперва,
Потом побыстрее уж взялся вращать.
И шашка меня понесла!

Вращенье переднее, переворот,
Кинжальное, выход, подкрут.
— Ах, ёлки, всю жизнь бы крутил у ворот!
Но в дом казаки уж зовут.

— Да, крепкая кисть у тебя, молодец! —
Сказал мне с порога Авдей. —
Пошли к Николаевне, кушать борщец,
Айда, а то даст нам чертей.

Я нехотя в ножны вставляю клинок.
Крестясь, осушаю бокал.
И песня лихая летит в потолок,
О том, кто по Дону гулял.

САМОТЛОРСКИЕ НОЧИ

За отмороженные уши,
За вечно красные носы
Сибирь нас всех подарком лучшим
Одарит от своей красоты.
И с неба солнце не уходит,
И сердце бьется и шалит.
С ума весь город дружно сходит,
Пусть даже мама не велит.

И все ныряют в шифоньеры,
Чтобы надеть полустриптиз.
Идут расхлябанной манерой
По тротуару стилем кисс.
Все дарят девушкам букеты,
Послания глупые в стихах.
Мужья приходят день на третий
Всегда в помаде и духах.

И нет ни краж, ни преступлений
На это время здесь нигде.
Танцует рэп с подразделеньем
Своим начальник УВД.
Нет грустных. Люди не хворают.
Не нужен даже валидол.
Из морга трупы убегают,
Когда услышат рок-н-ролл.

Когда веселыми лучами
Нас нежит солнце в час ночной,
Любой серьезный вартовчанин
Немного в чем-то холостой.
За целый год сибирской спячки –
Все сразу. И любой ценой.
...А виноваты – сибирячки!
Они одни всему виной!

ДА МЫ-ТО ЛАДНО...

Да мы-то ладно, но в березах
Любой подвыпивший француз
С такой услadoю льет слезы
В твою траву, родная Русь!

Откуда эта сила чувства?
Откуда зов твоих полей?..
Но как сладки твои безумства!
Но как рвет душу соловей!

Оставьте, бросьте меня в поле,
У озерка, где караси,
Чтоб умер я от сладкой боли,
От умиленья по Руси.

Зачем чужой мне рай небесный?
Здесь мой рябиновый Эдем.
Пропать бы в звездной русской бездне,
В брусничном омуте совсем!

МОЙ АНГЕЛ

Ты мыла раны мне слезами.
Латала шкуру, как могла.
Шептала долгими часами.
Шаманила, святых звала.

Вся моя жизнь на твоих нервах.
Мой нрав дурной – на седине.
Я не последний и не первый,
Кто травит жизнь своей жене.

Стремишься заслонить собою
От бури, что грозит извне.
Она же, это я не скрою,
Бушует глубоко, во мне.

Твоя прохлада губ, ладоней,
Снимает жар с моей души.
Но бьются в ребра мои кони,
Стремясь все смять и сокрушить.

Я вновь сорвусь к игре рискованной,
Где больно режут, насмерть бьют.
Я в ней нахрапист и раскован,
Но не продажен и не лют.

Опять я в чем-то ошибаюсь.
Не сберегусь, не увернусь.
Не там, не с теми напиваюсь.
Не тем доверю свою грусть.

И снова ты меня латаешь.
Колдуешь, чтобы я воскрес,
И вновь слезами оживляешь
Свой вечный, неподъемный крест.

АТЕИСТЫ В ХРАМЕ

Не бывало такого в России.
У святых ком стоит в горле.
Атеисты, несметной силой,
В Храм тугими рядами поперли
И ввалились туда оравой.
И кричат, как среди хлева:
– Это кто там крестится правой?
Левой! Левой!

Летел по небу Ангел Божий.
Детишки хлопали в ладоши,
Юродивый щербатым ртом
Горланил радостно о том.

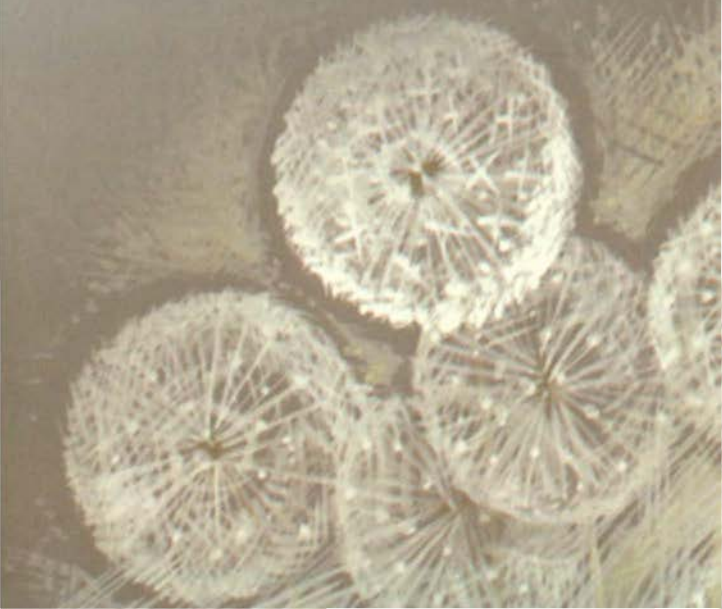
Торговец же смотрел на кассу.
Алкаш бутылки из-под кваса
В канаве сточной полоскал.
Карманник жертву засекал.

Путана, свысока и гордо,
Следила за шикарным “Фордом”.
Водитель ждал зеленым свет.
Шеф-повар делал винегрет.

Развратник соблазнял девицу.
Политик нанимал убийцу.
Садист оглядывал людей,
Весь полный дьявольских идей.

А Ангел все летел небесный!
Хоть никому не интересный.
Был он средь белых облаков...
Лишь для детей и дураков.

МАРИНА
АЛЕКСАНДРОВА

Что такое пух от тополей?
Легкое кружение любви.
Можно ли дотронуться нежней
До согретой, млеющей земли?

В тишь потехи светлой не унять.
В зной – пуховой нежности полет.
Неужели лета благодать
Вас своею лаской не проймет?..

Однотонность и однотональность.

Все созвучно, соцветно, легко.

Хрупкость утра.

Тумана реальность.

Капли звуков.

Поспешность шагов.

Водопадом секунды обрушат

Шум и суетность.

Возле меня

Ветерок закружился и в уши

Шепчет ласково: “Доброго дня...”

Ухоженный мирок провинциальный,
В уютном месте весел старый дом.
Ждут лики обращенных к нам икон.
От подлинников веет древней тайной.

Звучит рассказ о чьей судьбе печальной?
Пылинкам малым рады. Вам бы в тон
Мои слова, что проза правды в том:
Осталось чудо в дальнем Зазеркалье.

Музеи не изменят мир реальный.
Пылится – не читаем – каждый том.
Не утолив духовной жажды, ждем...

Хранится свежий хлеб в каморке дальней,
И аромат любви к родному краю,
Вдохнув в музейе вашем, – понимаю...

Кате

Удивленно-задиристый стих.
Жизнь таинственна, но – все понятно.
Ты пришла, удивила других,
Катерина, чудак мой приятный.

Разобраться во всем нелегко.
Но какие пока твои годы!
Юность верит – взлетать высоко
Модернистам из местной породы.

Как по-девичьи – верить и ждать.
И в поэзию верить, и ближним.
Хоть к гармонии надо шагать,
Смех и смелость поэту – не лишни.

Ярок мир, если чувства свежи,
И стихи необычны и яркие.
Ошибаться, как все, – не спеши,
И ступеньками будут помарки.

Голос громкий – примета годов,
И пока право есть на ошибку.
Ошибайся, мир слушать готов
Стих твой ломкий, сплетенный с улыбкой.

СВЕТЛАНА
ЛИХАЯ

Кленовый пятипалый лист,
Как след ладони вещей.
Случайно ли к стеклу прилип,
Судьбы ли знак зловещий?
Подобен изваянью сад
С названьем скорбным "Где ты?"
С мольбою сучья в небеса
Деревьями воздеты.
Плети же сеть свою, плети,
Разлучница косая!
Твоя ли тень вдали летит,
Едва земли касаясь?
Не ты ли шепчешь мне:
"Молись... Все, что тебе осталось!"
Ладонь судьбы...
Кленовый лист...
Вселенская усталость...
В ресницах шелковых моих
Слезинка заплутала...

Чем теперь на прошлое пенять,
Затаив усмешку под усами,
Полюбил бы лучше ты меня,
Женщину с осенними глазами.
Можно быть сердечным – и хитрить,
Холодок в душе скрывая тонко.
Груз прикинуть – и не разделить,
Пожалеть – и отойти в сторонку.
О судьбе нелегкой говорить,
Делать вид, сочувственный и нежный...
Просто
Трудно сердце отворить,
Окрылить любовью и надеждой.

Мне без тебя —
Хоть пропади!
Одна среди друзей,
Среди
Врагов, вещей,
Стихов и стен.
Пугает холодом
Постель.
И — мысленно —
Тебя зову,
Когда смеюсь,
Когда реву,
И жду в окно
Короткий стук —
Заполни смыслом
Пустоту,
Улыбкой яркой
Ослепи
И лед разлуки
Растопи.
Я равнодушной
Притворюсь,
Спокойно двери
Отворю.
Скажу: “Ну, здравствуй,
Проходи!”
Мне без тебя —
Хоть пропади...

Только вербы вполобхвата
Над темнеющим прудом...
А стоял здесь дом когда-то,
Наш большой и шумный дом.
Назывался просто – школа
И смотрел в лицо ветрам.
Тридцать школьников веселых
Здесь сходились по утрам.
Мы читали: “Буря мглою...”
За окошком в такт словам
Стлалась вьюга над землею
И гуляла по полям...
Возле школы – лес стеною,
У крыльца капель блестит.
Смотришь, “ласточка весною
Прямо в сени к нам летит”.
Лось воды попьет у брода,
Разлетится дятла стук...
Подтверждала нам природа
Все премудрости наук.
Годы – синие метели,
Где найти ваш быстрый след?
Отшумели, улетели,
Нам теперь по тридцать лет.
Вдоль дороги рожь не сжата,
Дремлют вербы над прудом...
А стоял здесь дом когда-то,
Наш веселый школьный дом.

Речкой тихоструйною,
Речью семиструнную
Отзвучала нежно,
Отзвучала юность.
Отсмотрелась панной,
Отходилась павой,
Яблочком румяным
В руки мне упала.
Пламенеет осень,
Зеленеет озимь,
Облетают годы
Головою оземь.
Посредине песни
Мое сердце треснет,
И пройдет от вздоха
Гул по поднебесью.

ОЛЬГА
КОРОСТЫЛЕВА

Сегодня день рождения весны!
И вряд ли кто-то в этом усомнится.
Я это чувствую по запаху сосны,
По просветленным от улыбок лицам.

И пусть зима лютует до поры,
И выюга снежная не перестала злиться.
На девушках наряды так смелы,
И сердце учащенно стало биться.

О ТЕБЕ

Не хочу, чтоб ты опять
Стал моим стихотвореньем,
Заставляю замолчать
Глупое воображенье.

Не мечтай, не напишу
О тебе в свою тетрадку,
И слезой не намочу
Я волос льняную прядку.

Память-дура, как оса,
Все жужжит. Мелькают лица...
А в ночном окне – луна.
Только ей и мне не спится.

НИКОЛАЙ
СМИРНОВ

ЖУРАВЛИНАЯ РОДИНА

из поэмы

Над заповедным бором журавли
Разметной нитью или клином,
Как в сновиденьи давнем, дивном
Дорогой детства повели.
Как будто снова босоногим
Спешу проселком на покос.
Мать, провожая, скажет: "С Богом!"
По сторонам ячмень, овес.
Ударит перепел неожиданно.
Всплакнет кулик, и снова тишь.
И небо тает беспрестанно,
И ты молчишь, молчишь, молчишь.
Зачем слова в такую пору?
Жара. Межень. И зрелость трав.
Пуста деревня. По угору
Идет колхозный сенокос.
Родное русское приволье,
Душа поет, от солнца тень.
И пот наполовину с солью,
И жалят комары весь день.
Сегодня легкая прохлада,
Желтеет лист, и вянет он.
И снова на душе отрада,
А в небе колокольный звон.
Объемный, проголосный, чистый,
Как оком, в котором синь.
Прощайте, верные горнисты!

Трубите, сколько хватит сил!
И мне торить иные дали,
И тосковать, спешить сюда
За журавлиною печалью,
За страдным праздником труда.
В святую мирную обитель,
Где знают цену доброте.
Скользите, журавли, скользите
По высоте, по высоте.
До бесконечности...

СИБИРЬ

Сибири синие сугробы,
Седая северная стынь
И одинокие дороги
Среди неведомых равнин
Меня зовут в свои пределы,
Где ветры вкось, и на юру
Толпятся, плачутся метели,
Деревни дремлют поутру.
Дымки едва полощут небо,
А окна кажутся вприщур...
Я эту быль и эту небыль
В литературу обращаю.

ПОДСНЕЖНИК

Спал под снегом подснежник,
Бархатистый цветок,
На проталине вешней
Распустил лепесток.
Распустил остальные,
Солнцу юному рад.
Небеса голубые
Освежили наряд.
Напоила поляна
Свежеталой водой,
Хорошо утром рано
Любоваться тобой.
Незапятнанно светел,
Как березовый край.
Не сорву для букета,
Не помну невзначай.
В нем родное, святое –
Материнский наказ:
“Показное, пустое
Не для нас! Не для нас!
Нам забота простая:
Хлеб да соль на столе.
Сенокос, посевная
На лемешной земле”.
...Журавлиные клики,
Скрип тележных колес.
Зацветает подснежник
Среди русских берез.

КУКУШКА

А сколько лет самой кукушке?
Она устала куковать,
Считает годы на опушке,
Умолкнет и опять, опять.
Ей жить без горя и заботы,
Чужие гнезда занимать,
Не утруждать себя заботой,
Своих детей не знать, не знать.
И все же лето без кукушки,
Как гриб без леса, ночь без рос.
Вновь вспоминаю ту опушку,
Семейный давний сенокос.
Заречный бор в вечерней дали,
Костры рыбачьи под горой
Тугие сполохи бросали
И над землей, и над водой.
Я вспоминаю песню брата
Про отчий двор и здешний дол —
Все, от чего ушел когда-то
И снова к этому пришел.
Так сколько лет самой кукушке?
Нет, не устала куковать.
Считает годы на опушке,
Умолкнет и опять, опять...

На улице, на Минской
Наташенька живет.
Живет себе, не тужит,
Бразильский кофе пьет.
Геологов наставница,
Читает им ликбез
Про пластовые воды
И прочий техпрогресс.
Звезд с неба не хватает,
Не рвется в ректорат,
Усердно наставляет.
Декан Наташе рад.
Наставь меня, Наташенька,
Как возраст победить,
С тобою, наставляющей,
Все трудности делить.
Любить тебя единую,
Читать тебе ликбез
Про северные стройки
И прочий техпрогресс.
Звонить тебе на Минскую,
Писать, когда взбредет,
Считать тебя наставницей.
Просящим Бог дает
Жену или попутчицу.
Ты, вправду, хороша.
К закату возраст клонится,
К весне зовет Душа.
Ты – юность первозданная,
Какую не забыть.
Хочу тебе, наставница,
Опорой в жизни быть.
Живи на радость людям,
Геологов расти.
За откровенья встречные
Мятежного прости.

Самотлорская весна,
Самотлорская весна,
Ты явилась мне девчонкой
Из неведомого сна,
Не блистаешь красотой,
Незавидная собой,
Но с тобою, но с тобою
Почему-то сам не свой.
Королевой называю,
Взоры нежные дарю,
Северянку понимаю,
Северянке говорю
Про любовь и про рассветы,
Про веселый месяц май.
Нижевартовское лето,
Нижевартовский наш край.
На свиданье к милой еду
По бетонке столбовой,
Мне девчонка-непоседа
Машет издали рукой.
Не посетуй, дорогая,
Что обметан сединой.
Очарованный тобой,
Я навеки молодой.
Самотлорская весна,
Самотлорская весна...

И вот стою, как перед Богом,
На берегу реки Иски
В молчаньи строгом и нестрогом
В предчувствии большой тоски
По ближней ниве и проселку,
Которым быть, но без меня.
Быть без меня знакомым колкам,
Печным дымкам и зелениям.
Ничем все это не заменишь,
Красот чужих печален тон.
И вновь уедешь и приедешь
Сюда, как на святой поклон.

ТРУБАЧ

завещание

А мне все грезится трубач,
Парнишка в шлеме со звездою,
Над ним полощется кумач,
Труба стенает перед боем.
Она зовет на штурм полки
За перевалы и за взгорья,
Чтобы прорваться вдоль реки,
Вернуть далекое Приморье.
Труба поет мне каждый час,
Трубач устал, но не сдается.
Он ранен был, убит не раз,
Но трубачом он остается.
И я на зов его спешу,
Солдатом в жизни оставаясь,

Живу, работаю, пишу.
Как он, куда-то прорываюсь.
Всю жизнь тропа. Вперед!
Вперед!
Быть может, в этой дальней дали
Обязан был воспеть народ,
Какого трубачи не знали.
С народом шел и сам народ,
Я знал свое предназначенье:
Быть трубачом. Вперед! Вперед!
Не миновал и поражений.
И снова марш. Последний бой.
Бросок решительный и смелый.
Под плач трубы вернусь домой,
Где кров давно осиротелый.
Прими, родная мать-земля,
Во имя вечности и жизни,
Сочти за трубача меня,
Как мог, служил своей Отчизне.
Прощайте, ивы у плетня,
Заросший луг, дожди косые.
Уйдет трубач — и нет огня,
Но вспомнит трубача Россия.

ВАСИЛИЙ
ЗОЗУЛЯ

Табун лошадей у реки...
Разговор с пастухом у костра...
Цикады, сверчки,
Нестройный хор квакуш.
Похлебка в помятом в боках котелке.
Круглый хлеб, резаный лук,
Деревянная ложка — одна на двоих...
От дыма слезятся глаза,
Не хочется спать,
Мы смотрим на небо,
Ищем Мицар!
Желанье спешим загадать — сорвалась звезда...
Перед сном он курит табак и тихонько смеется.
На соломе, укрывшись овчиной,
С ним говорю, говорю, — засыпаю...

Уехав оттуда, однажды, смотря в потолок
Панельной квартиры, думаю: чего ему не хватает,
Высоты или звезд?
Встаю, иду на балкон, а облако рядом,
И не виден Мицар.
Возвращаясь, постель пахнет душистой
добавкой.
К ее запаху можно привыкнуть,
Если не помнить ночное.

В юности у меня был друг –
Сережа Шакуров.
Кудрявый, лобастый мальчик.
Мы смеялись: есть актер Сергей Шакуров –
И вдруг мой друг, простой школьник!
Мы не переписывались с ним
После моего отъезда –
Не знаю почему.
Может, были слишком близкими друзьями
И не нуждались в переписке.
Каждый знал: у меня *там* есть друг.
Я рвался в станицу;
Снился дом – наша старенькая хата,
Родные, одноклассники, первая любовь.
Сергей мне не приснился ни разу...
По приезду я не застал Сережу в живых.
Не нашел даже могилы.
Он так и не женился.
Остались фотографии и память.
Как и от всего детства –
Фотографии и память...

Мне было несколько лет,
Когда дядька взял к себе на ферму.
Мы стояли на широком подворье,
Он рассказывал о сычихах, что жили
Под крышей коровника.
Мне было интересно, я их никогда
Не видел!
Накормил обедом, но вот что ели,
Не помню. Может, это были хлеб и молоко?..
Чтобы как-то развлечь,
Он подвел меня к каурой кобыле
И посадил в седло.
Кобыла стояла смирно, быть может, не дышала,
И я сидел смирно и не знал, что делать.
Дядька улыбался...
Это был счастливый человек,
Когда отпускал голубей.
Вечером, возвращаясь домой,
Промокли под ливнем.
Он подвернул мне штанишки,
Грязь липла к ногам,
Началась ночь...
Дома бабушка растерла настойкой имбиря,
Я согрелся, и мне не приснились драконы.

Мой дядька влюбился в летчицу,
Ей было двадцать лет,
Ему – четыре года.
Он бегал за станицу,
В поле...
К самолетам женской эскадрильи.
Она садила его в самолетное кресло,
Одаривала его шоколадом...
Однажды во время бомбежки
Он едва не погиб,
Спас офицер, накрывший своим телом.

В один из дней дядька сделал летчице
Предложение, пообещав жениться на ней,
Как только вырастет.
Смеясь, она дала согласие...
Что с нею случилось,
Я не знаю.
Дядька женился в сорок лет
На крестьянке.

Степная речка – Сосыка
Была судоходной давно, давно...
И ныне по ней ходят суда,
Но детские.
Берега в густом камыше.
По илистому дну
Ступают довольные цапли.
Рыбы – много,
Рыбе некуда нырять...
Мальки играют в прогретой воде.
Моя тень пугает их.
Умей рыба говорить,
Я услышал бы: "Спасайся! Уходим!"
Я же вижу: чешуйки, мелькнувший хвост
И рябь...
Легкую рябь на воде.

БОГДАН ТКАЧЕВ

СКИФ

Погасший звук в затихшем стане,
Огни костров.
Стою над степью на кургане
Среди холмов.

Мерцает звезд покой беспечный,
И Млечный путь,
Как мост, висит дорогой вечной
Куда-нибудь.

Упруго мнется под ногою
Травы руно...
Курган — меж вечностью и мною
Одно звено.

Он, к изначально идущим, —
Последний дом,
Напоминание живущим,
Что мы живем.

Когда-нибудь огонь устанет
Гореть в глазах,
И мой курган средь прочих станет
Венчать мой прах,

А над курганом выгнет спину
Седой ковыль,
Смешав корнями воедино
И кровь,
И пыль.

КАЗАЧОК

Льются песни удалые,
Птицы прочь летят.
Казачи идут донские
На Симбирск, на град.

То по холму, то по полю
Пыль столбом встает.
Добывать святую волю
Рать в поход идет.

Меж лихими седоками
Лишь один – молчок.
Тихо гремлет удилами
Юный казачок,

Нежно треплет коню спину,
Гривушку-красу.
Вспоминает он дивчину,
До колен косу.

Видит взор ее печальный
И тоску в глазах,
И с улыбкою прощальной
Личико в слезах,

На щеках огонь играет –
Ярче не найти ...
И, теплея, сердце тает
В молодой груди.

“Ты не плачь, моя Ульяна,
Не морщинь чело!
Хоть на сердце ноет рана,
Тело ж все цело:

Не разит шальная пуля,
Не сечет булат.
Знать, твои молитвы, Уля,
Так меня хранят.

Помолись еще немного,
Отложи венец.
Нелегка моя дорога
И не скор конец.

Бьем мы лютых супостатов –
Царских воевод.
Пал Царицын, пал Саратов –
И Симбирск падет!

А возьмем Москву-столицу,
И конец войне –
Я вернусь к тебе в станицу
На лихом коне,

Привезу тебе сережки,
Платьев дорогих,
И царицыны сапожки,
Чтоб плясала в них.

Как пойдем с тобой венчаться
Мы, в руке рука,
Будут женки любоваться
На твои шелка.

Пусть завидуют подружки
Красоте твоей!
А потом со всей округи
Созовем гостей.

Широко застолье справим
На дворе большом,
Скатерть яствами уставим
И хмельным вином.

Пусть гуляет вся станица,
Пусть шумит родня!..
Только лишь, душа-девица,
Ты дождись меня..."

Льются песни удалые,
Птицы прочь летят.
Казаки идут донские
На Симбирск, на град.

То по холму, то по полю
Пыль столбом встает...
Ине ведают про долю
И про то, что ждет.

Навек удалившись от детства,
Друг друга давно они ждут;
Друг с другом живут по соседству,
Не зная, что рядом живут.

Он, юных красоток встречая,
Внимает, как те ни о чем,
Пустыми глазами стреляя,
Бескостным трещат языком,

Под слоем внушительным грима
Убожество пряча свое.
Он, вздрогнув, пропустит их мимо,
Средь них не заметив Ее.

Она ж, поравнявшись с парнями,
Заранее знает – сейчас
Ей в спину швырнут, как камнями,
Тирадой двусмысленных фраз.

Глаза устремив недвижимо,
Презренья страхась своего,
Сама устремляется мимо,
Средь них не заметив Его.

Так оба, в душе ужасаясь, –
Любой из них сам по себе, –
Почти ежедневно встречаясь,
Друг друга не видят в толпе.

С жестокой тоскою повенчан,
Скитается каждый – один:
Он – среди перекрашенных женщин,
Она – среди пошлых мужчин.

ПРИЗ

средневековая баллада

Сегодня к нам ведут все тропы.
Сильней, сильней труби, герольд!
То юных рыцарей Европы
На свой турнир зовет король.

Посмотрим, храбрые повесы,
Чья всех прочнее таль клинка!
А приз высок – рука принцессы...
О Боже мой – твоя рука!...

Ты, как в зверинце перед клеткой,
С обычной свитою своей,
Сидишь недвижной статуэткой
В кругу услужливых пажей,
Средь герцогинь, как средь
картинок,
И смотришь, закусив губу:
За поединком поединок
Уже вершит твою судьбу.

Кто сбит, тот прочь бредет уныло,
У слуг повиснув на руках.
Ликует тот, чья крепче сила,
Нога, как прежде в стремях, –

Потом он тоже будет сбитым,
И прочь уйдет, в сердцах плюя...

Вдруг на ристалище открытом
Остались двое — он и я.

Соперник мой, красивый малый,
Нахмурил благородный лоб
И, скрыв лицо ковшом забрала,
Рывком пустил коня в галоп.

Мы молча сшиблись в клубах пыли,
Лишь дрогнув, как огонь свечи,
Обломки копий уронили
И вновь сошлись, скрестив мечи.

Он горячился, атакуя,
И наседал, покуда мог.
Но, обманув, вогнал ему я
Под шлем смертельный мой клинок.

Сейчас наружу из-под стали
Тугой струей рванулась кровь...
Трибуны, ахнув, замолчали —
И взорвались восторгом вновь!

Увенчан славою мгновенно,
Исполнен радости и сил,
Я, опустившись на колено,
Тебе победу посвятил.

Моей внимая пылкой речи,
От гордости пунцовой став,

Ты поднялась словам навстречу,
Впервые взором обласкав,

Затем, взглянув с усмешкой краткой
Туда, где, мертв, лежал мой враг,
С точеной ручки сняв перчатку,
В стальной мне бросила кулак...

Я сжал немое обещанье
Сильней, чем грудь мою броня.
Ты средь всеобщего молчанья
Ждала ответа от меня.

Но я не смог, как ни пытался,
Раскрыть для звука створки губ...
А за спиной в пыли валялся
Забывший всеми юный труп...

Ты все ждала, ждала ответа,
Глаза по-детски округлив,
Но я уже не видел это,
На грудь забрало уронив.

Лишь дрогнул болью шлем пернатый:
То, как невидимый огонь,
За жизнь отобранную плата –
Твоя перчатка – жгла ладонь.

ЕКАТЕРИНА
ВОЯКИНА

ВИОЛОНЧЕЛЬ

Звучала нежно и протяжно
в руках немолодого виртуоза
виолончель. И мне вдруг стало важно —
зачем живу, к чему стихи и проза,
что я читала, слышала так часто?
Но сердце не забилося, не запело,
каким-то мне казалось всё ненужным,
каким-то всё по-детски неумелым...
А звуки, появляясь, исчезали
и чаровали душу, испаряясь,
витали над людьми в огромном зале,
что в вечности божественной купались.

ОДИНОКИЙ

Он приходит домой,
Он подходит к окну,
И порою ночной
Одиноко ему.
Он устало так ждет:
Может, кто постучит
Или вдруг позвонит.
Он бы сердце отдал,
Он бы душу открыл,
Если б кто-то к нему
Постучал, позвонил...

ВЛАДИМИР
ФИЛИППОВ

МИРАЖИ

из цикла "Угол отражения"

1.

Полночь. Боль и дрожь спросонья.
Полнолуние. Сигарета.
Что там снилось?.. Рубка – кони –
Храп – удар! как вспышка света –
Мир поплыл в тумане красном –
Меч – бессильная десница –
Причитанья «Сокол ясный!..» –
Рот запекшийся – водица –
Топот – жерди – скрип воротин –
Свет лучины – «...все напрасно,
Подойти – душа уходит.
Не жилец твой сокол ясный»...
Чьей же памяти тугая
Перематывалась лента,
Год припомнить помогая
С Рождества Христова? Лето –
Утро – седла – запах мяты –
Отголосок журавлиный –
Он, она – удар набата –
Пыль на ягодах рябины –
Бой – врагов несметных лица –
Накренившееся поле...
Что-то с памятью творится,
Разгулялись нервы, что ли?
Впечатление такое,
Будто кровно мне знакомы
Молний след на колокольне
Той церквушки возле дома,
Медный колокол которой
Жизни три назад отлили;
Лен у речки перед бором,

Тропка к берегу, могилы;
А за ними — это поле
В росах, где траву косили, —
Где лежал, распятый болью,
Ратник стонущей России...
Как я мог так ясно помнить,
Что случилось с кем-то где-то?
Голос крови?.. На балконе.
Ночь. Вторая сигарета...

2.

Сон — как быль, но явь — как небыль.
Что за ночька, интересно?
Женский лик, загадка Неба,
На меня глядел из бездны
Переполнившейся чашей...
Взгляд, мне посланный богиней,
Одного меня искавший,
Говорил: «Я здесь, любимый!
Не на небе — на земле я,
Настоящая, живая...
Ты пока не знаешь, где я,
Но найдешь меня, я знаю,
На путях Второго круга...
Если память потревожим,
То не сможем друг без друга,
В одиночестве... Не сможем —
Нам опять грозит разлука,
В новом времени живущим...»
И была такая мука
В лице, преданном и ждущем,
Что в замок сошлись ладони:
До чего ж Она похожа!..
Лязг — земля — чужие кони —
Свет лампад пред ликом Божьим —
Дева-ангел — Божья прелесть —
Скатерть — плач — столетий годы...
Разум выдержит, надеюсь.

Я догадываюсь — кто ты.
Это Ты перед глазами
В алом мареве тумана,
Стон сдержав, под образами
Не дыша считала раны,
Нанесенные булатом и щербатою подковой...
В день, когда мы пали с братом,
В месяц наш с тобой медовый,
Ты, от горя обессилев,
Мяла свадебную скатерть
И забрать с собой просила
Нас, лежащих на полатах...
Крестик свой мне Ты вложила,
Сняв с меня кольчуги клочья,
И засыпала могилу
Той, в веках забытой, ночью.

Ты, знакомая до боли!..
Быть не может, чтоб случайно
Приоткрылась чьей-то волей
Наших душ бессмертных тайна!
Значит, я, избранник, слышал
Зов — родной влекущий голос...
Кто же я, раз явлен Свыше
Твой невыдуманный образ —
Справедливости законом
Возвращенной мне на землю
Той, с которой раньше скован
Был я самой прочной цепью
В той же матушке-России?..
Вновь глаза твои ночами
То кричали и просили,
То блестели и молчали,
Удаляясь в мирозданье
Блестками межзвездной пыли,
Снова в бездну ожиданья
Полдуши забрав... Не ты ли
Та, чей взгляд, привычки, жесты,

Даже родники и мысли
Так доподлинно известны
Мне из прошлой нашей жизни, —
Той, где мы недолюбили?..
Тризна, ковш, конец — расстались.
Память стерта: все — забыли...
В этой жизни — ошибались,
Проходя в чужие двери
К людям не из той породы.
Бог не выдаст. Будем верить,
Завтра или через годы
Мы отыщем непременно
Неразгаданное средство,
Чтоб попасть одновременно
В неназначенное место,
Если так угодно Богу, —
Голос твой, во мне звучащий,
Обозначит мне дорогу:
Жди — найду... И снись почаще.

3.

Я — рабыня сновидений?...
Нет, конечно, не случайны
Наших двух сердец биенье
Полнолунными ночами.
От заката до рассвета
В ночь гляжу, душой не веря
В то, что грезится мне это.
Кто ж из нас двоих — потеря?..
Увядал букетик желтый:
Жди. Пока живешь — надейся!..
Очень долго, ох, как долго
Ждать неведомого рейса,
Как жестока каждый вечер
Одиночества дорога...
Прилетит, я верю — встречу!
Боже, как мне одиноко...
Ей, сидящей на скамейке

И прикрывшей лоб ладонью,
В жизни все казалось мелким
По сравнению с любовью.
Да, в ошибках – беспощадна,
Да – подвел закон природы,
Да – становится понятно
Лишь сейчас, вот в эти годы...
Что с того, что я красива,
Если счастья нет на свете?..
Небо, ты несправедливо –
Как мне вырваться из сети,
Что нашла меня, когда-то
Замуж вышедшую слепо?!
Нет, сама я виновата,
В том, что горько мне, – не Небо...
Подожду, еще не поздно:
Верю, зная место встречи,
Поздоровается просто
В необыкновенный вечер
Он, ведомый доброй силой
Из созвездья Зазеркалья,
Долгожданный и любимый,
Не назначивший свиданья...
Пресвятая Мать наша,
Та, которой нету ближе, –
Не могу представить даже –
Где, когда его увижу?..
Кто бы вывел наши души
В то единственное место,
Где, в плечо ему уткнувшись,
Охну: «Ты?! Ну, наконец-то...»

4.

– Да-а, задержка рейса – это
Враг народа номер первый.
Но «Орфей» под сигарету
Успокаивает нервы! –
Вразумляет, наливая, друг,

Дежурный штурман Паша. —
Где искать хотя бы знаешь?
— И не представляю даже.
Как и в прошлый раз не знаю.
— Углич, Псков, теперь — на взморье?..
Пей, Минздрав предупреждает:
Коньячок — залог здоровья,
Растопыривает шланги,
По-народному — сосуды!
М-да... А если б счет был в банке,
То приснились бы Бермуды?..
— Нет, я Лев по Зодиаку.
Паш, когда тебе художник
Говорит, что видел знаки...
— Что ты знал, что в Сочи дождик?..
— Больше: гром — Ривьера — берег —
Ливень и попеременно —
Стойка кассы — вечер — скверик —
Ты — заправщики — антенны.
И по-новой: тучи — Сочи...
Так — до самого рассвета.
Свет не мил в такие ночи,
Тут еще задержка эта!..
— Транс-реал. Ну, так бы сразу...
— Проанализируй «Карму»
В манускриптах из Тибета.
То нейтральна, то коварна,
То добра, то зла, — ведь это
Справедливо: люди — дети,
Ждут от Неба только милость,
Позабыв, что есть на свете
Связь: поступок — справедливость.
Сны... Она уж третье лето
Мне действительно знакома,
Вопрошающая Небо
В полутьме чужого дома:
То привидится в аллее,
То в камин глядит из кресла,

То здорова, то болеет,
То разбилась, то воскресла –
Лед – «Субару» – крен дороги...
Жуть!.. Бессонница, зевота,
Но потом – как телестроки
Проворачивает кто-то:
«...Я, которому не пелось,
Кто провел впустую годы,
Ни на что уж не надеясь,
Я догадываюсь – кто ты...»
– Да, читал я между делом –
Лист ходил по экипажам, –
Дал соседке – отлетела!..
«Ксерокс где?! Я мигом, Паша...»
Рассчиталась вот «Орфеем».
– Ну и жлоб, ты погляди-ка!
– Забирай!.. А во-он, в аллейке,
Не твоя ли Эвридика?..
Все – твой «Адлер» в зону влазит.
Извини, на службе...
– Знаю.
– Если на Кавказе –
Привози, не возражаю,
Как вот эту – в тоге белой,
С гривой золотисто-желтой!..
Загори хоть между делом –
Как поганка!..
– Да пошел ты...

5.

«Ведь когда я рвался к звездам,
И когда нырял со скал я,
Сам того не зная просто,
Не летал – тебя искал я,
Полнолуний незнакомка,
Что давным-давно знакома,
Чьи глаза меня негромко
Объявляют вне закона,

Если дома, не в дороге...»
Шел, не чувствуя вначале
Излучения тревоги
Ожиданья и печали,
Но, задев лишь краем глаза,
Прозреваю, камня, —
Вот он, вспомнившийся сразу
Сон: закат, она, аллея...
Ты?!. Похожа. Даже очень.
Грациозна, точно в кресле...
И на шее, между прочим,
Как пароль — такой же крестик!..
Ты... Но как ты оказалась...
Ты же там... у моря где-то...
Где — ты так и не сказала...
Из какой же части света,
Из какого же ты края
Мирозданья прилетела?!
Головы не поднимая,
Ждать уставшая, сидела
Здесь?! — когда на побережье
Улетал тебя искать я, —
Женским символом надежды,
В итальянском белом платье,
Настоящая, живая,
Словно замершая в кадре,
Почему-то ожидая
Рейса именно на Адлер.
В сквере аэровокзала
Неслучайно ты, похоже,
Задержалась — будто знала,
Что тебя ищу я тоже...
Подняла глаза и точно
Парализовала взглядом,
Как той первой звездной ночью!..
Почему ж, когда я — рядом,
Побледнела... ты ли это?!
Царский профиль, тело тоже,

Пряди золота и где-то...
Да, значительно моложе.
Рев турбин – он тоже снится?..
После пристального взора
Опустившая ресницы,
На излучине которых
Безысходности росинка,
Не торопишься с ответом,
Сняв дрожавшую слезинку
Отраженным в ней букетом.
... Было сказано немного:
– Добрый вечер... – Вечер добрый...
– Разрешите? – Ради Бога...
– Если ждете... – Н-нет, свободно...
«Что-то сердце не на месте:
Совпадение?.. Или все же?..»
– Извините, – этот крестик...
Я узнал Вас...
– Я вас тоже...
Мир застыл. Исчезло время.
Шанс – один на миллионы...
Бредни – сказки про Орфея!
Здесь не мифы, здесь иконы
Открывают в небо двери,
Ввысь, где солнечные блики –
В мир, где давнюю потерю
Сберегли Святые Лики,
Воскрешающие души,
Возвращая то, что свято...
Пальцем крестика коснувшись,
– Это – я, – произнесла ты
И прильнула, обессилив.
Я не верю в то, что слышу:
– Здравствуй, княже...
О, Россия,
Кто в тебе весь воздух выжег?!
Никого не вижу, кроме:
Перекресток – две дороги.

Бьют часы... Мы в этом звоне
Друг для друга – полубоги.
Семь столетий – не разлука...
Мы пришли продолжить повесть,
Раз по имени друг друга
Называем, не знакомясь...

6.

Отыскавшиеся души,
Четырех зрачков беседа –
Ни язык, ни звук не нужен:
Взгляд – вопросом и ответом:
«Знал – найду!» – «И я пыталась:
Так звала – со счету сбилась...»
«Улетел бы...» – «Повстречались!..
Ты вчера...» – «И ты мне снилась...»
«Значит, Он решил воочью,
Сны отбросив, познакомить?...»
«Да... И я проснулся ночью,
Чтобы профиль твой запомнить...»
«О-о, я так молила Небо,
Чтобы ты пришел сегодня!..
Где ж ты был?!» – «Во снах...
А не был
«За бугром» да в преисподней...» –
«Нет, не зря рвала я скатерть,
Умоляя на коленях,
Чтоб хранила Божья Матерь
Души зверски убиенных –
Дождалась!...» – «Не разлюбила?...»
«В темноте, и то б узнала!
Веришь – дух перехватило...» –
«Верю... Ты не опоздала.» –
«Что, действительно похожа?» –
«Ты всегда была красива...» –
«Я ведь замужем...» – «Ну что же,
Все мы смертны... Поправимо...
Мы – как Мастер с Маргаритой, –

Тоже Небо прикоснулось...
Дай ладошки.» – «У-у, небритый!..» –
«Слава Богу, улыбнулась!..»
Встречный взгляд лучист и светел –
Счастье и недоуменье:
– Ты – нашелся!..
– Нет, я встретил.
– Что со мною?..
– Воскресенье...

*«РЕГИСТРАЦИЯ...
МОСКОВСКИЙ...»*

– А-а, привет Аэрофлоту!
Что там пел наш брат Высоцкий
Про нелетную погоду?..
Зажигалка, сигарета, –
Успокаиваюсь, вроде.
Где билет?.. Раз вылет этот
Кто-то... как бы по погоде...
– Кстати – где ж ты пропадала?
– Тоже здесь, увидишь скоро...
– Здесь!! По Мира?! Полквартала...
Нижневартовск – что за город!..
– Помнишь прошлое?
– Одно лишь ощущение – смерть и
горе...
– О себе хоть что-то помнишь?
– Сожжена была я вскоре.
Так по крайней мере снилось.
– Да... А прошлою весною,
В гололед?..
– Когда разбилась?.. Ты все знаешь...
– Бог с тобою...

Сдал билет, поставив точку.
Через час, в своем подъезде,
Поднеся к губам цепочку,

Ты поцеловала крестик, —
Чтоб на выходе из сквера,
Корчась, будто на погосте,
Одиночества химера,
Взвыв от судорог и злости,
Испустила дух на вдохе!
Чтоб над нами не звучало:
— Я жива!.. Вы одиноки!..
Сон пройдет — и все сначала!..

... Много лет назад, навеки
В предысторию покоя
По такой же вот аллейке
Уходя, другие двое,
Так же встретившись когда-то,
Вслух Его шептали Имя,
Твердо веря в то, что свято.
И плыло в годах за ними:
*«Головная боль Пилата —
Запах роз в Ершалаиме...»*

НАДЕЖДА
ТКАЧУК

Опять живу предчувствием весны...
Длиннее дни, короче стали ночи,
И солнце поцелуями щекочет
Так нежно. А в глазах, должно, видны
Чертовки-искорки, что стрел любых острее.
Улыбкой обожгу. Нет, обогрею.
И чья-то запоеет душа:
“Ну, до чего ж девчонка хороша!”
А все весна...

А в ночи белые совсем-совсем не страшно
Бродить по городу, пути не различая.
Зачем иду одна? Куда? Неважно,
Зарю вечернюю над утренней встречая
Одновременно...

Ты думал обо мне? Я – да.
Ты помнил обо мне? Я – тоже.
Ночная падает звезда...
От станций железнодорожных
Нас в лето поезд унесет,
Но, уезжая, не прощаюсь.
И пусть немало дней пройдет,
К тебе, как прежде, возвращаюсь,
Город мой...

Ночь темна. И день еще не скоро.
Где-то вдалеке неясный свет.
Мы молчим... Я знаю, приговором
Станет наступающий рассвет.

До сих пор осмыслить не смогла я:
Прошлого и будущего нет.
У тебя и у меня, мы знаем,
Только море, волны, ночь, рассвет...

Не напишешь мне, не позвонишь ты.
Я не напишу, не позвоню.
Только номер в телефонной книжке
Я навек, быть может, сохраню.

АЛЕКСАНДРА ДАРЬИНА

СТАРЫЙ РЫБАК

Скрипит весло в уключине,
Годами пальцы скрючены,
И он гребет, задумавшись.
Неважные дела...

Река несёт молчальника,
Те думы все печальнее...
Не видел, как состарился,
И молодость прошла.

Года, что птицы южные,
До снега стаяй дружною,
Крылом взмахнув, построились,
Растаяли вдали.

И старцу долго кажется
(Смотреть вверх не отважится):
Над ним, истаяв в просини,
Курлычат журавли...

ВДВОЕМ

Сядем рядом, посудачим
У огня вдвоем,
Друг от друга слез не пряча,
Не смахнув тайком.

Пусть струятся по морщинкам,
Как удобно им.
Посидим с тобой в обнимку,
Тихо погрустим.

Та печаль ласкает душу –
Есть о чем жалеть,
Мы друг друга будем слушать,
Снова молодеть.

Там за розовым туманом
Молодость и смех –
Мы не ведали обмана,
Нас не тронул грех.

Нам своей любви хватало,
Чистой и земной...
Сорок с лишним – путь немалый.
Рядышком с тобой.

Звонящей тишиной
Наполнен лес дремучий,
И сумрачная ель
Нависла надо мной.
Природе здесь покой,
И всё в одном созвучьи:
Кустарники, пихта, кедровник молодой.

Дремотно и хмельно
От хвои и от ягод,
От прели под ногой
Кружится голова.
Лисички средь травы
Пробились всей гурьбою,
И дремлет на суку угрюмая сова.

Еще кругом роса,
До озноби туманно,
Заденешь ветку – душ
Холодный в тот же миг.
И кажется мне лес
Вдруг наяву обманным,
И в этой тишине – мой одинокий крик...

Звонящей тишиной
Наполнен лес дремучий,
И сумрачная ель
Нависла надо мной.
Природе здесь покой,
Здесь все в одном созвучьи:
Кустарники, пихта, кедровник молодой.

ВЕСЕННЯЯ ЗАРИСОВКА

Длиннее день. Светило выше.
И стонут голуби на крыше.
Капель, выстукивая ноты,
Для марта сочиняет что-то.

Спешит проворная синица
От холода отгородиться.
И теньканьем со всей охотой
Капели подхватила ноту...

Одиночество, одиночество —
Вещь не редкая, и весьма.
Не хочу величать по отчеству
Я его за беду в домах.

Где довлеет оно над судьбами,
Где вершит неразумный суд,
Студит душу словами скудными.
Двое рядом, а врозь живут...

Мы не были на той войне.
Но на стене портрет солдата
С лицом, похожим так на брата,
С винтовкой старой на ремне.

Мы не были на той войне.
Нам бабушка читает письма,
Что дед прислал ей из-за Вислы,
И плачет, прислонясь к стене...

ИВАН ДОЛГОВ

Осень – лужи, осень – слякоть,
Облаков сырая мякоть,
Осень – грусть и сердца боль,
Листьев ржа, деревьев голь.

Я в стекло уткнулся лбом.
Бабка-осень, где твой дом?
Где твои от лета краски,
Разноцветных песен сказки?

Ты уж поздняя совсем,
Я в тоске не пью, не ем.
Ты зиме уже подвластна,
Холодна ты, но прекрасна.

Холст беленый, кисть с пером –
Я тебе рисую дом,
Сгусток грусти, сгусток муки,
В рифму краски, в рифму звуки.

Ты не плачь – ты веселись
И скорей в тот дом вселись.
Я нашел тебе уже
Уголок в своей душе...

Тихой зимней ночью
Мне опять не спится.
Белая снежинка
За окном кружится.

Тихая и грустная,
Медленно летает.
Я ладонь поставил,
А она не тает...

И тобой люблюсь
Я в окно раскрытое,
Ты, как я, наверное,
Кем-то позабытая.

Я тебя согласен
И ласкать, и нежить,
Мне б с тобой хотелось
Закружить, заснежить.

Улететь туда бы,
Где твои подруги
Синими ночами
Хороводят вьюги.

А весной, растая,
Станем мы водою.
Так и будем вместе
Мы опять с тобою...

ВЛАДИМИР
МАЗИН

ОЖИВШАЯ ДРЕВНОСТЬ

На праздник радостной вороны,
По снегу талому шурша,
Хантыйские торопят жены
Меня и сына-крепыша.
В нарядах красочных с утра
Они, как в старину, поближе
К обряду древнего костра
Зовут веселых ребятишек.
Как хорошо нескладно петь
О талых водах на причале,
Где солнца золотую сеть
Вороны первыми встречали!
В сюжете праздника от предков
Едва понявши что к чему,
Как оживающие ветви,
Мы проводить спешим зиму.
Костром разбужена осина,
Всем кланяется без обид.
Закусочная строганина
Нутро веселое знобит.
Как хорошо среди родной
Не устаревшей братовщины
Встречаться с новою весной,
Забыв шальные годовщины!
Воспоминания встревожим
И по наитию души
О древней жизни песню сложим,
Лоск города отшелушив.

Я вместе с теми, кто подрос
До понимания былого,
К улыбке жаждущей поднес
Немного жаркого спиртного.
Как хорошо ладони греть
В лучах истории остяцкой,
Мужскою ветвью зеленеть
На древней пристани рыбацкой!

Не оборваться в боли наживной –
Схватиться за мечты свои руками.
И в каждом сне невзрослою душой
Лететь навстречу нестаревшей маме.
Незаменимо жить и незаметно,
На вольной воле радовать отца
К дарам природы совестью ответной
И голосом свободного певца.

Не просыпаться с ревами машин
Со злобою в бетонном саркофаге,
Не подбирать презренные гроши
Заради строчек на немой бумаге.
Укрывшись малицей, шептать стихи,
Неведь откуда ставшие моими,
Когда раскинет звездный балдахин
Нарядным чумом Ваховская Ими*.

* в мифологии ханты – богиня
деторождения

Где играло половодье
Роль упорного врага,
Бойкой силою мелодий
Отстраняя берега,
Доверялся потепленью
Взмахом легкого крыла,
Одолея тоску бореньем
До усталости весла...

Что пропало за спиною,
Не вернуть, не переплыть,
С каждой новою волною
Победителем не слыть.
Но вперед по бело-черной
Разбесившейся реке
Проезжаю непокорным
На старинном обласке.

Словно тень осужденного узника,
Возвращается в прошлое юность,
Где плескалась и плещется музыка —
Тишины вековой многострунность.
За наивным, предсказанным знанием
Предосенние сыплет затеи
И почти совершенным страданием
До сих пор управлять не умеет.
Тень цепями рассудка изранена,
Исчезает с восточной зарею —
Просыпаюсь в холодном тумане я,
Безнадежно, как в детстве, зареван.
И уже за молчаньем утраченным
Долговечны о музыке споры,
И уже не врываться иначе нам
В звуковые под солнцем повторы...
О, блаженство земного мучения,
Что в любви повторяется снова!
О, высокое предназначение
Восходить к звукорядам былого!

Весны сумятица.
Тревога
Полузабытых сновидений.
Вдоль, поперек
шалых течений
Непроходимая дорога.
И вздохи
в утреннем тумане
За шепотом: Не уходи!
За снегопадами дожди
На брызги солнечных желаний.
Не уходи в свои свободы
Из плена дремлющей строки,
Из-под тепла моей руки
В простор зовущей непогоды.

Возле кедра ни тени, ни ветра,
По округе ночной – тишина.
До утра промолчала под кедром
Сумасшедшая наша вина
Перед теми, кого мы не знаем,
Для кого наши тропы тесны,
Перед теми, кто нами встречаем
На дорогах чужой стороны.

Не поднимутся мятые травы,
Пожелтеют, рассыплются в прах.
Если даже мы были не правы,
Разве надо испытывать страх
Перед нами оставленным ложем
С покрывалом вечерней зари?..
На закаты восходы похожи
Только тем, что бывшее горит.

Босиком до новолуния
Разрезать следы осокою —
Будто вышел накануне я
Чувства самого высокого.

Где ларьякская черемуха
На заре вечерней ранена,
Застрели меня без промаха
Пониманием, вниманием.

Замани в туманы белые
И в дурманы утешения
Непорочные, но смелые
В шелестящем окружении.

Нам черемуха душистая
Обещает гроздь черные —
Будто ночи, где неистово
Зацелую непокорную.

СРЕДИ НАС

*...И тихо книгу перелистывай,
впиваясь в зеркало теней.*

А. Блок

И торжествующе, и тяжко
Живет на Родине поэт –
Белее дня его рубашка,
Чернее ноченьки жилет.

Услышав солнечные блики,
Разглядывая тишину,
Пьет в царстве музыки великой
Языческую старину.

Цвета и звуки смысловые
Осознаются раньше слов,
Приюты духа кочевые
Ему милее городов.

На романтических поверьях
То близок людям, то далек,
При обязательных потерях
Он бесконечно одинок.

Необходимое спокойствие души
Возвращается,
Когда в новолуние сединой
Покрываются
Гордо поднятые гривы моих кедров,
Упрямо стоящих между былым и новым.
В полуночной паузе, среди тишины
Зажигаю свечу на столе,
Где старые фото
Озвучивают молчание тех, кто ушел
Не за горизонт, а в мир моих корней,
Ожидая, но не торопя... Подождите!
У меня есть еще дневные заботы,
Есть подлунные
Неисправленные черновики,
Пока еще много обязанностей
Перед зеленеющими ветками памяти.

ЧИТАЯ ЛЕТОПИСИ

Прохожу по неизвестности
Девяти веков своих
За российские окрестности
До угодий родовых,

За славянскими языцами
Повторяю древний слог,
За монашескими лицами
Вижу северо-восток:

Стрелы вольного охотника
Убираются в колчан,
Песнь югорского вольготника
Слышу я по кедрачам.

Переписчик Новгородчины,
Проводник мой дорогой,
Шлю привет с хантыйской вотчины
Православною рукой.

ВАЛЕРИЙ
ПЛАСТИНИН

С. Есенину

Не хожу я степными дорогами,
Мне пора бы давно протрезветь...
Я со всеми своими тревогами
Под шарманку хотел бы спеть.
Но не стану теперь я собою,
День иль ночь – ничего не сулит,
Над моею несчастной судьбою
Божий Ангел еще не трубит.
И во гневе Господь не карает,
Не желает мне Судного дня.
Богородица, что ль, охраняет,
Не дает в обиду меня?
И хоть был я рабом наслаждений,
Да и гостем жил в этой стране,
Но всегда свод своих заблуждений
Я топил с друзьями в вине.

ПОБУДЬ СО МНОЙ

Вот уж полночь, но без сна я,
Представляю образ твой,
И прошу тебя, родная,
Хоть часок побудь со мной.

Нету писем очень долго.
Да, я знаю: длинен путь,
Но прошу тебя, родная,
Посоветуй что-нибудь.

Я не сплю. Передо мною
Фото в рамке голубой...
Я прошу тебя, родная,
Хоть часок побудь со мной!

РИЧАРД
ЛОРЕНЦ

ТЕМА ДОЖДЯ

Первыми в песню вступили
Тонкие ветки вишни,
Зашелестели тихо,
Как переборы гитары.
И ветер заиграл, как в трубы,
В кроне огромной березы.
А дождь зашептал речитативом,
Повел на рояле свою тему
В музыке нашего мира.
Но конь-суета уносит меня
К пирам и победам.
И вновь я вернусь сюда
Сам или с ветром,
Который принесет пыльцу
Цветку на моей могиле.
Я вернусь, чтоб услышать
Тему дождя в музыке мира.

МОНАХ ПО ИМЕНИ ОСЕНЬ

Лето последними каплями вина из одуванчиков
вытекает в стакан, оно подошло к концу.

И опять внутри меня что-то сжалось,
замерло и уснуло.

И камень, брошенный в серые волны реки,
не вернулся.

Ветер с ледниковых периодов
уносит детство, память и тепло.

А взамен нам – рябин рубины да листьев
червонное золото.

И детство уходит, сунув руки в карманы,
за грехи наши тяжкие за собой не зовет.

А за углом студеный ветер его закружит –
к Марсу унесет –
красной точке на небе,
пугающей нас.

Ни одно лето до сих пор не вернулось.
Редкий путник постучит вновь в окно.
И трудно поверить,
что прозрачная в августе вода
в октябре замерзает не навсегда.

А по ночам мне снится,
что я стою на крыше
самого высокого дома.
И мне кажется, что я вижу,
как бредет по дорогам
седой и печальный монах
по имени Осень.

Я встретил его на углу, он был пьян;
Со спутанной бородой, в рваньё.
Мы пили пиво у ларька,
Он посмотрел в облака и обратился ко мне:
«Мир – сон,
Который видит чудовищный великан.
Когда он очнется,
Все исчезнет, словно туман.
Великан улыбнется –
Какой странный я видел сон!...
И долгие годы будет бродить во сне,
В одиночество погружен».
Я встретил вас на закате;
Ты глотаешь редидорм, я пьян;
Твоя подруга над чем-то глупо смеется;
Ты спросишь: «Хочешь, подарю Киндер-сюрприз»?
Я посмотрю в облака и скажу:
«Знаешь, Настя, а ведь спящий проснется».

Иисус! Ты отдал жизнь за нас,
Как за существ, способных понять
Душевную боль и внять любви.
Однако поверни нас в профиль и фас,
Мы неизменны с тех пор.
Отдал бы жизнь ты вновь
По прошествии двух тысяч лет
За людей, в которых попытки совершенства нет?..

Плотные шторы уютно спасут
От поглощенного тьмою снега в окне.
Мятный чай, комнатный рок-н-ролл.
Плавно текущая речь
О миллиардах миров в молекуле пыли,
О том, что время не измерить в длину,
О распятии Христа. Врал ли нам Кастансда?
Так падают в бездну последние часы до рассвета.
Вечером я был пьян, и порывы холодного ветра.
Теперь ты так рядом. Родители спят.
И несется планета.
Утром тебя ждет институт.
Ты займешь свое место в мире, а за окном все
пушисто и бело.
Очкасый лектор начинает писать,
Нанося на грифель миллиарды миров в молекуле
мела.

О, американская легенда!
Старый форд у обочины,
Смятая баночка из-под пива,
Панки, едущие в Вегас.
Зайди в закусочную у шоссе,
Выпей кофе, поговори
С толстым, усатым, ворчливым хозяином,
Послушай, как перебирает струны
Седой старый негр.

Завтра утром часы
Призовут тебя
В твою комнату, оклеенную желтыми обоями.

ИГОРЬ
СЕВЕРСКИЙ

Мы дикий и дерзкий свободный народ,
И участь соседей плачевна.
Но в бездну бросает и в бой нас ведет
Загадка Большого Кочевья.
Мы бродим по свету безумной ордой,
Ни сердцу, ни мыслям не внемля.
Но правит нелепою нашей судьбой
Мерцает над нашей шальной головой
Загадка Большого Кочевья.
И в знойной степи, и на Млечном пути,
В застенках седого поверья
Смиренно мы будем по жизни нести
Загадку Большого Кочевья.
Нам снова с рассветом коней поднимать,
Сворачивать скарб и палатки,
Пока не сподобит Господь разгадать
Большого Кочевья загадки.
А будет так день или будет так век,
А, может быть, тысячелетье —
Продолжит смиренно идти человек
Под стрелы, под пули, под плети...
Судьба. И не знаем ответов иных.
А есть ли иные ответы?
Рассвет занимается. Гомон затих.
В ковыльных вершинах, льянных и седых,
Купается северный ветер.

Когда-то нас не трогали стихи.
Мы пахли ветром, тиной, солью, морем.
Мы упивались ярой дракой с кровью
И знали гнев разбуженных стихий.
К мольбам и стонам были мы глухи,
И правило упрямство нашей волей,
Качала нас судьба в своем Подоле,
Прощая наши детские грехи.
Потом хлебнули мы вина наук,
В провинциальной сев библиотеке.
Мы рифмовали, гордо смежив веки,
“Кастеты”, “пирамиды” и “ацтеки”.
Увы, но позабыли мы навеки
Податливую сочность женских губ.
Вот так слагался первый наш сонет,
А, может быть, и первая баллада...
Не знали рифмы, ритма, строя, лада,
Но было все добротнo так и складно,
Такой дарило щедрою отрадой.
И к ней уже возврата нынче нет.

Сибирь. Бессонница. Жара.
Орущий рой кровососущих.
Ночь коротка.
Рассвет бегущий
Погасит отблески костра.
Июль – блаженная пора.
Вершина года – царь природы...
Но вдруг вуаль подернет воду.
На миг. С рассвета до утра.
На миг.
И снова буйство лета.
Но тут невидимым стилетом
Пронзит изящный ветерок.
То дождь падет,
Внезапный, зябкий,
То у брезентовой палатки
Вдруг станет пузыриться бок.
А значит, час настал и срок
Послушать, что тревожит душу.
Но отчего же не послушать
Нехитрый этот говорок,
Ее несмелый монолог,
Натруженный, как скрип уключин.
О чем он, этот бег созвучий,
Что нас уводит за порог?
Вот тихий сонный хуторок
С названием “Не всем я нравлюсь”.
Порочный и надменный август
Над степью важно догорал.
Он уходил, и получал

Сентябрь завидное наследство
Лишь для того, чтоб с легким сердцем
Его безбожно промотать,
Оставив октябрю немного.
А тот, святая недотрога,
Барчук, остывшая зола,
Сметет со скудного стола
В ладони ноября лишь крохи.
Здесь можно ахать,
Можно охать,
Но нищим первую зарю
Встречать придется декабрю.
Увы, декабрь родится нищим.
Возможно, кто-нибудь отыщет
В том некой высшей правды свет,
Но логики тут явно нет.
Есть то, что все зовут судьбою.
Она ведет нас за собою
Тех, кто родился в декабре.
Все было – и мороз, и снег,
И вьюга бешено крутила,
Надсадно и протяжно выла
Она в озябших жерлах труб.
В свой незатейливый тулуп
Земля привычно одевалась.
А что еще ей оставалось?
Спокойно ночи коротать,
Лелеять лепесток надежды
И знать, что будет все, как прежде.
Лишь надо научиться ждать.

Я здесь зализываю раны,
Огромный злобный старый пес.
Меня немного удивляет
Тоской подернутый покос.
Меня негромко умиляют
Тугие сочные луга.
Щенячью радость возвращают
К весне взопревшие стога.
Я здесь нашел
Все то, что прежде
Так безнадежно я искал...
Оскал любви,
Оскал надежды...
Свободы сумрачный оскал.

Когда ворует вся страна,
Когда страна ворует,
То незтично всю страну
За это укорять.
Кто не успел – тот опоздал,
Тот пусть сидит-горюет
И говорит о воровстве,
Всех обвиняя в том.
А в это время
Эти все
Упорно, неустанно
Несут и тащат на себе
Огромную страну.
Они бы рады растащить
Ее в свои подвалы,
Они бы рады запереть
Свою страну в сундук.
Но только эти, кто несет
Леся, поля, увалы,
Дороги, села, города...
Они и есть – страна.

В белопенной седой стороне,
Где утесы сменяются плесом,
Где ледовая дерзость торосов
Вызов
Вешней бросает волне,
К половодью,
К высокой воде
От тоски загибаются души,
И предчувствие мрачных удуший
Нас тревожит в предутренней мгле.
Ни пути, ни просвета не видно.
И, как будто сквозь пальцы песок,
Протекает судьба, и обида
Острым клювом стучится в висок.
Память наша, как старая рана,
Заунывно, протяжно скулит.
И хрипатый гудок каравана
Разобьется о скальный гранит.
И о чем-то далеком напомним
В белопенной, седой стороне
Этот хриплый гудок парохода,
Долетавший по вешней волне.
Мы с тобой, словно стылые птицы,
Вдруг попробуем стать на крыло.
И, презрев рубежи и границы,
Мы рванемся туда, где тепло.
Вместе с дикой
Гусиною стаей,
Мы прорвемся навстречу Весне,
Наши души навеки оставив
В белопенной, седой стороне.

Живешь, как малину воруеть:
И сладко, а все не твое.
Гуляешь, бузишь, озоруеть.
Такое житье-питье.
Что пропито — то не воротишь.
Короткий и грустный рассказ.
А ты все торчишь в подворотне
И слух напрягаешь, и глаз.
Что будет — того не минуешь.
Иного, увы, не найдешь.
И будто в отместку целуешь
Другую.
Кому же ты лжешь?
Ну что же? Все верно и точно.
И точку поставит беда.
Допишешь последнюю строчку,
А прочее все — ерунда.
В наряде суровом и строгом
Уйдешь без тревог и страстей
Туда, где ни чувства, ни долга,
Где нет ни гостей, ни вестей.
Все будет светло и сурово.
Под шелест вселенских часов
Твое неразменное слово
Застынет на чаше весов.
Всевышний слегка улыбнется
Под взмах удивленных бровей,
Когда эта чаша прогнется
Под тяжестью ноши своей.

Мне дерзкая память коверкает сны,
И треплет вихры ветерок
заполошный.

Что ж было такого на фоне весны?

Всего понемножку,

Всего понемножку.

Света. И гаснет ночной костерок.

О, жаркое чудо

Печеной картошки.

Ее поцелуй и степной говорок.

Всего понемножку,

Всего понемножку.

А счастья – щепоть,

А беду – пополам.

А водки – сто грамм,

Да и то на дорожку.

Любили друзей,

Доставалось врагам.

Всего понемножку,

Всего понемножку.

Мы были не очень

Хранимы судьбой.

Не все нам она

Забегала дорожки.

Но только закон

Мы придумали свой:

Всего понемножку,

Всего понемножку.

Чтоб кудри не прятались

В складках морщин.

Чтоб лишь голенище
Являло гармошку.
Мы помнили твердо —
У зрелых мужчин
Всего понемножку,
Всего понемножку.
Нам скоро с последней
Прощаться зарей,
Последний закат
Догорит за окошком.
И что же с собой
Мы тогда заберем?
Всего понемножку?
Всего понемножку?..

Вина Вийона? Горький смех Рабле?
Об этом можно очень долго спорить...
От пиршества мы движемся к петле,
Хохочем, чтобы скрыть гримасу боли.
Над чем смеяться, днем всегда найдем,
А по ночам рыдаем еле слышно.
Мы движемся сквозь хмурый строй
веков,
Сюжет сей, к сожалению, не нов,

Он вызывает скуку и одышку.
Но всякий раз
Тот беспощадный смех
На пепелище веру
Возрождает.

И нас, в далекий путь благословляя,
Даруют истину одну,
Одну на всех:
Грядущую спасаем красоту.
Так на груди солдат спасает знамя.
Блудницы свято верят в чистоту,
А мы в свое высокое призванье.
Мудрец так презирает суету,
Так на ветру в ладонях прячут пламя,
Его проносим мы сквозь темноту,
Сквозь толщу поражений и страданий.
Мы корку истины всегда грызем тайком,
А глупости пирог на всех поделим.
Что тут поделать? Наш удел таков.
Мы терпим и молчим, молчим и верим.
К отплытию готов корабль дураков,
Мы прячем сокровенное в кубышку.
Колпак шута нам тяжелей оков.
О, мука – хохотать без передышки.
Но есть на этой горестной земле
Вийона правда, строгий суд Рабле.

Не дай, Господь, смешать вино с вином,
Хоть за вино вином Ты причащаешь.
Мы истину находим в нем одном.
Но Ты, Господь, суров, Ты не прощаешь.
О, как жесток Твой вечный метроном.
Как холодно. Ты нас оповещаешь
О выстраданном, суетном, земном.
И пить вино при этом поощряешь.
Не дай, Господь, смешать вино с вином.
Вины своей вином нам не испить,
Не утолить греховности познания.
А за грехи приходится платить.
Платить и пить, пить и опять платить.
Стезя земного вечного страдания,
Души бессмертной рвущаяся нить.
Мы тщимся нить, как душу, сохранить.
Так смертник ждет желанного исхода,
Так раненый в бреду беззвучно просит пить.
И красота последнего восхода
Безумно заставляет жизнь любить.

ДЕНИС
ЧУКЧЕЕВ

Моторизованные дроги
С полоской черной на боку
По человеку всю Москву
Возьмут в последнюю дорогу.

Салон обычный – в два ряда
Для близких и родных сиденья;
Тележки ржавое скрипенье,
Узкоколейка в никуда.

Обитый свежим кумачом,
Гроб закрепляется винтами.
Венков растительность густая
Разит пластмассовым душком.

Прощальной речи теплота –
В ней можно заморозить тушу –
Покойник, обреченный слушать,
Глаза зажмурил от стыда.

В Архангельском годами дым.
Печь – будто исполинский тостер –
Отплевывает праха горсти,
Что было некогда живым.

Я брел по жизни, словно крот,
Не зная света.
Паяц площадный был мне бог.
Никто беседой
Мой хилый ум не выправлял.
Средь всех оказий –
Клянусь, так искренне считал --
И безобразий
Страшнее мора и чумы –
Модерн балета,
Страшнее атомной войны –
Ремонт буфета.
Меня терзали хлад и глад,
Боль и опала.
Но Криводед сказал: «Чудак,
Начни сначала.
Все сопли замотай в кулак,
Сотри ухмылку,
Из меди собери пятак,
Купи бутылку».
В хмельном порыве он раскрыл
Законы мира.
Во-первых, тело – это ил,
Души могила.
Закон второй. Не торопись
Щеку подставить,
Желанья ближних берегись
Тебя исправить.
И, в-третьих, истину крестом
Проверить должен:

Зеваки, судьи, жаркий холм,
В ладони – гвозди.
Так Криводед меня учил,
Нахмурив брови.
Его я мудрость зазубрил
На страх и совесть.
И напоследок нагрузил
Установленьем:
Когда ты рюмку проглотил –
Пей без кряхтенья.

Возле тебя остановлюсь
И с места более не сдвинусь.
Разделим честно боль и грусть
Напополам. А сор – на вынос.

Его хватило завалить
Все, что случилось между нами.
Он исподволь смог отравить
Любовь, что зрела в нас годами.

Ты мне не веришь (поделом:
Я предавал неоднократно),
Язвишь шипучим шепотком,
Забыв про солнечные пятна.

Мол, никогда нам не вернуть,
Что я один сумел разрушить;
Не склеить чаши; не согнуть
Другого стать совсем послушным.

Я слов в ответ не нахожу:
Права кругом, по всей повестке.
Взгляд бродит вдоль по занавеске,
Молчу, финала бури жду.

Тебя так просто не унять:
Начав, ты вспомнишь все обиды.
И я остался ночевать,
Чтоб наконец меня простила.

Готовишь завтрак поутру,
И под глазами счастья тени.
«Чтоб не сбежал, тебя запру», –
Смеешься ты, сев на колени.

Ко мне прижалась, замерла –
Согрет твоею теплотою –
И с важностью произнесла:
«Не будешь счастлив ты с другою...»

МАРЪЯМ
МАМЕДОВА

Открой мне дверь к бывшему,
Пусти меня в прошлое,
Не спрашивай ни о чем,
Открой и толькопусти.

Пожалуйста, отдай мне, милый,
То, что забыла уходя.
Я возьму и уйду тут же молча.
В вечность. В воспоминания.

ЛУЧШЕ МОЛЧИ

Ты хочешь уйти?
Я тебя не держу.
Всего хорошего,
До свиданья...
Счастливого тебе пути.
Я даже не дрожу.
Уходи...
Но не буди хмурые воспоминания.

Хочешь на прощанье сказать что-то?
Ну скажи, скажи...
Не ходи вокруг да около.
Нет, уж лучше молчи!
Молчание – золото.

Берег и волна – влюбленная пара.
Обнимутся – и тотчас капризно разойдутся.
И так с сотворения мира.

Когда душа молчала,
Заговорила я.
Но стоило мне заговорить,
Как душа сказала: не перебивай!

Среди белого дня
В разгар знойного лета
Мужчина, обнявший меня,
Дрожит...
Неужели солнце слабее страсти?

Среди тысяч людей мне одиноко...
Но как много людей в моем одиночестве!

ТАТЬЯНА ДЖАРТЫ

Я ложусь головой
Под топор сентября.
Ни о чем. Ни во что.
Не скорбя. Не любя.

И вдыхаю туман
Пожелтевшей листвы.
Я вплетаю сентябрь
В потускневшие сны.

Солнцем полуденным,
Жаром степным
Стал ты мне суженным,
Словно больным.

Мокрыми ветками
Тронешь окно —
Звякнет монеткою
Слово-бельмо.

Ветром безудержным,
Жарким и злым,
Стал ты мне суженным,
Словно больным.

Дотронусь до безветрия рукой...
И прочь пойду – уже не обернуться.
Года твои обратно не вернутся –
Уже ты воплотил себя. В другой.

Прощальных фраз немислимая грусть.
И, отразившись в стеклах, «не вернусь»
Прильнет небритой, влажною щекой...
Найдешь меня в глазах у той, другой.

И было время – три часа.
И было сорок дней.
И шла дорога в никуда.
И двое шли по ней.

И ветер тени их качал
И путал в проводах.
И в небо звезды окунал,
И плакал, и молчал.

Наши дни, словно ложку в стакан
С недопитым в небрежности чаем,
Опущу, посмотрю на закат...
Грани четки.
И я наблюдаю
Преломление непрожитых лет,
Изменение и цвета, и формы,
Нервно смятый дорожный билет
И обрыв отходящей платформы.
Это был мой заветный перрон.
На него не сойти, не вернуться.
Придорожные дали качнутся
И размажется по небу фон.

Когда окно распахнуто уже
Хрустальным светом,
И город, словно сказка в витраже,
Накрыт лишь небом,
Не движется, не спорит, не поет,
А только дышит,
И тянется налево и вперед
Луч мимо крыши...

И все остыло. Все уже молчит.
Я не услышу
Того, кто мне о прошлом говорит
И в письмах пишет.

Еще проникнет тихое тепло в мои мечты,
Но я не стану лучше.
Украдкой перепрыгивая лужи,
Смотрясь в их разноцветное стекло.
Мне не смириться, что уже прошло
Желание свободного полета
Над гладью синей зябнувшей реки,
Над городом кубически-нестройным...

Как прежде, лишь движение руки
И тихий отклик в утомленном сердце
Однажды распечатают стихи,
Небрежно вскрыв затертые конверты.

Этот плен неизбежен!
Этот город погиб,
Но дома и заборы,
Но странные звуки
Утешают тебя,
Поглощают шаги.
И хотя ты свободен,
Ты все-таки нужен.

Город держит тебя,
Поглощая шаги,
Утопляя слова
В переменчивом эхе,
В тихом звуке густом,
Обернувшемся смехом,
Отраженном от стен
Опустевших домов.

Уже, уже...
Отходит в никуда,
В былое, позабытое, чужое
Мгновений и событий череда.
Подписан и прошит, пронумерован
Том первый, том четвертый и шестой.

Все сложено, уравнено в правах,
В претензиях на вечное и злое.
Жизнь обретает значимость в словах.
Жизнь отлетает в тусклое былое.

Вдыхая воздух праздничной весны,
Сминаю в пальцах жалящие льдинки.
Как календарные картинки
Сменяются друг другом дни.

И кажется смешным апрель,
Смешным, почти что невозможным.
Покончено со всем тревожным
И даже в сердце бьет капель...

Так здравствуй, мой смешной апрель!

Людмила МАНЧИНОВА

«Витает рой чужих стихов...»	5
«Охладевшее лето...»	5
«Дует ветер с Невы... Повторю. Повторюсь за поэтом...»	6
Перед утром	7
«Просто – низкие облака...»	8
«И у меня была Москва...»	9
На Пионерской	10
Качалась рыжая трава	10

Екатерина ВОЛОДИНА

«Теленок – растопыренные ножки...»	13
«Мое потухшее солнце...»	14
«В моих фантазиях – весна...»	14
«Сердца стучат...»	15
«Я сирень, я ива и рябина...»	15
«Засыпай! – твержу себе. Не спится...»	16
Пуškai твердят: “Она забыта Богом...”	16

Елена СЛИПЧЕНКО

Счастье	19
«Еще вчера – пришла весна, так мне казалось...»	19
Зарисовка	20
«Меня не поняли. И пусть...»	20
«Пестреет лето морем красок...»	21
Тоска	22
«Еще один букет украсит подоконник...»	23
«Мой мальчик похож на Пьеро...»	24
«Когда-нибудь актриса молодая...»	24

Виктор БЕЛОВ

«Люблю, как море -- жемчуга...»	27
«Ах, лето, лето запоздалое! Привет...»	27

Елена ПАВЛОВА

Забвение	31
«Пусть тебя сомненье гложет...»	31
«Подолгу стою у дыр...»	32

Валерий АКИМОВ

«Неторопливых будней вереница...»	35
Первый дозор	35
Погоня	36
Банный день	36
Чернотроп	37
«Я пограничный старый пес...»	37
Новый год на ПЗ	38
Прощание	39
«Бессонница. Опять мне маята...»	39
«Нас, незрячих щенков, не достала картечь...»	40

Галина КУЗНЕЦОВА

Нижневартовску	43
«Когда мороз под пятьдесят...»	43
«До чего же ты, верба, доверчивая...»	44
На Телецком	44
Лыжня	45
Снегопад	45
«Неведомый бродячий пес...»	46

На промысле	47
Предвестница	47
Молдовеняска	48

Борис РОМАНОВ

Варнацкий поэт	51
Пегая орда	52
Улица Джалиля	53
Шашка	54
Самотлорские ночи	56
Да мы-то ладно...	57
Мой ангел	58
Атеисты в храме	59
«Летел по небу Ангел Божий...»	60

Марина АЛЕКСАНДРОВА

«Что такое пух от тополей?..»	63
«Однотонность и однотональность...»	64
«Ухоженный мирок провинциальный...»	65
«Удивленно-задиристый стих...»	66

Светлана ЛИХАЯ

«Кленовый пятипалый лист...»	69
«Чем теперь на прошлое пенять...»	69
«Мне без тебя ...»	70
«Только вербы вполобхвата...»	71
«Речкой тихоструйною...»	72

Ольга КОРОСТЫЛЕВА

«Сегодня день рождения весны!...»	75
О тебе	76

Николай СМИРНОВ

Журавлиная родина (<i>из поэмы</i>)	79
Сибирь	80
Подснежник	81
Кукушка	82
«На улице, на Минской...»	83
«Самотлорская весна...»	84
«И вот стою, как перед Богом...» —	85
Трубач (<i>завещание</i>)	85

Василий ЗОЗУЛЯ

«Табун лошадей у реки...»	89
«В юности у меня был друг...»	90
«Мне было несколько лет...»	91
«Мой дядька влюбился в летчицу...»	92
«Степная речка -- Сосыка...»	92

Богдан ТКАЧЕВ

Скиф	95
Казачок	96
«Навек удалившись от детства...»	99
Приз (<i>средневековая баллада</i>)	100

Екатерина ВОЯКИНА

Виолончель	105
Одинокий	106

Владимир ФИЛИПШОВ

Миражи (<i>из цикла «Угол отражения»</i>)	109
---	-----

Надежда ТКАЧУК

«Опять живу предчувствием весны...»	123
-------------------------------------	-----

«А в ночи белые совсем-совсем не страшно...»	123
«Ты думал обо мне? Я – да...»	124
«Ночь темна. И день еще не скоро...»	124

Александра ДАРЬИНА

Старый рыбак	127
Вдвоем	128
«Звнящей тишиной...»	129
Весенняя зарисовка	130
«Одиночество, одиночество...»	130
«Мы не были на той войне...»	130

Иван ДОЛГОВ

«Осень – лужи, осень – слякоть...»	133
«Тихой зимней ночью...»	134

Владимир МАЗИН

Ожившая древность	137
«Не оборваться в боли наживной...»	138
«Где играло половодье...»	139
«Словно тень осужденного узника...»	140
«Весны сумятица...»	141
«Возле кедра ни тени, ни ветра...»	142
«Босиком до новолуния...»	143
Среди нас	144
«Необходимое спокойствие души...»	145
Читая летописи	146

Валерий ПЛАСТИНИН

«Не хожу я степными дорогами...»	149
Побудь со мной	150

Ричард ЛОРЕНЦ

Тема дождя	153
Монах по имени осень	154
«Я встретил его на углу, он был пьян...»	155
«Иисус! Ты отдал жизнь за нас...»	155
«Плотные шторы уютно спасут...»	156
«О, американская легенда!...»	156

Игорь СЕВЕРСКИЙ

«Мы дикий и дерзкий свободный народ...»	159
«Когда-то нас не трогали стихи...»	160
«Сибирь. Бессонница. Жара...»	161
«Я здесь зализываю раны...»	163
«Когда ворует вся страна...»	164
«В белопенной седой стороне...»	165
«Живешь, как малину ворует...»	166
«Мне дерзкая память коверкает сны...»	167
«Вина Вийона? Горький смех Рабле?...»	168
«Не дай, Господь, смешать вину с вином...»	170

Денис ЧУКЧЕЕВ

«Моторизованные дроги...»	173
«Я брел по жизни, словно крот...»	174
«Возле тебя остановлюсь...»	175

Марьям МАМЕДОВА

«Открой мне дверь к былому...»	179
Лучше молчи	179
«Берег и волна – влюбленная пара...»	180
«Когда душа молчала...»	180
«Среди белого дня...»	180

«Среди тысяч людей мне одиноко...» 180

Татьяна ДЖАРТЫ

«Я ложусь головой...» 183

«Солнцем полуденным...» 183

«Дотронусь до безветрия рукой...» 184

«И было время – три часа...» 184

«Наши дни, словно ложку в стакан...» 185

«Когда окно распахнуто уже...» 185

«Еще проникнет тихое тепло в мои мечты...» 186

«Этот плен неизбывен!...» 187

«Уже, уже...» 188

«Вдыхая воздух праздничной весны...» 188

ГОЛОСА

Сборник стихотворений

Редактор-составитель Сергей Артемович Луцкий

Художник Юрий Александрович Бычков

Компьютерная верстка Татьяна Владимировна Юргенсон

**Издание осуществлено на средства
администрации г.Нижевартовска**

дано в набор 15.09.01г. Подписано в печать 27.11.01г.
Формат 115x190. Бумага офсетная. Гарнитура Times
New Roman. Печать офсетная. Усл. печ. листов 7,2.
Тираж 1500 экз. Зак. 6/33.

BIS NIZHNEVARTOVSK

1628171060

**Муниципальное полиграфическое предприятие
Издательство «Приобье» Нижневартовского района
626440, Тюменская обл., г.Нижевартовск, п.Дивный,13**